

Об авторе

Сидорик Ивккин родился 10
июля 1954 года в городе
Саратове. Окончил Саратовский
университет, работал в
научно-исследовательском институте,
затем преподавал в Саратовском
университете. Автор нескольких
книжек о драконах, в том числе
этой. Любит путешествовать.

Не так давно...

«Книжки» были
очень популярны. Многие
читатели писали автору
письма, в которых
просили написать
еще одну книжку
о драконах.

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

Сидорик Ивккин
КТО ВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Первое издание
КРЕСЛА КОУЗА

Крессида Коуэлл

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

Эта книга посвящается моему лучшему другу Беззубику. И. К. К. III

Переводчик хотел бы посвятить эту книгу своему брату Каспару, с любовью и восхищением.

Пожалуйста, обратите внимание: всякие совпадения с любыми историческими фактами возникли чисто случайно.

ОБ АВТОРЕ

«Как приручить дракона» — это первый том Иккинговых мемуаров. Больше всего Иккинг Кровожадный Карасик III прославился своим грандиозным трудом по естественной истории «Викинговские драконы и их яйца», где перечислены все драконы, известные человеку. Он опубликовал еще две научные работы — «Учебник драконьего языка» и «Русалки и другие чудовища», а также регулярно пишет статьи для «Большого драконьего ежесюжетника».

Иккинг Кровожадный Карасик III был выдающимся Героем-Викингом. Видный военачальник, умелый боец на мечах и знаменитый натуралист-любитель, он прославился во всех викинговских землях как «Заклинатель Драконов», имеющий таинственную власть над этими странными существами.

Но так было не всегда... «Классика». Викинг Гералд.

Книгу «Как приручить дракона» должен непременно прочитать каждый нормальный Герой, у которого не всегда получаются подлинно Героические подвиги. Варварская Библиотека. О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Крессида Коуэлл обитает в Лондоне. Вместе с ней живут муж Саймон, дочери Мэйзи и Клементина и две кошки — Лили и Балю. Она не только переводит мемуары Иккинга, но также пишет и иллюстрирует книги, среди которых — «Иккинг и морская болезнь», «Клейдон — прилипчивый ребенок», «Библиотека маленького Бо Пипа» и «Не делай этого, Китти Килрой!».

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Во времена моей молодости на свете водились драконы.

Драконы были разные. Одни, большие и мрачные, парили в небесах и строили гнезда на вершинах утесов, как огромные грозные птицы. Другие, мелкие и проворные, сновали дружными стайками и ловили крыс и мышей. Несусветно громадные Морские Драконы были в двадцать раз крупнее Большого Синего Кита и убивали просто ради потехи.

Вам придется поверить мне на слово, потому что драконы быстро исчезают и вскоре могут

попасть в Красную книгу.

Никто не знает, что с ними происходит. Они просто уползают обратно в море, из которого пришли, и не оставляют на память людям ничего: ни косточки, ни единого зуба.

Для того, чтобы эти удивительные существа не были забыты, я и пишу эту правдивую повесть о своем детстве.

Я был не из тех мальчишек, кто может выдрессировать дракона одним мановением пальца. И для Геройских Дел я был не рожден. Для этого мне пришлось потрудиться. Прочитайте же рассказ о том, как Нелегко Стать Героем.

1. ПЕРВЫМ ДЕЛОМ ПОЙМАЙ СВОЕГО ДРАКОНА!

Давным-давно на диком и ветреном острове Олух стоял по колена в снегу маленький викинг с очень длинным именем.

Иккинг Кровожадный Карасик III, Надежда и Опора и Наследный Принц Племена Лохматых Хулиганов, с самого утра чувствовал себя не в своей тарелке.

Десять мальчишек (Иккинг в том числе) должны были пройти Испытание Драконьим Воспитанием и стать полноправными членами Племена.

И вот они стояли на узком и унылом пляже в самом унылом месте унылого острова Олух. Тяжелыми хлопьями валил снег.

— ВНИМАНИЕ! — заорал Брехун Крикливый, опытный воин, которому поручили учить новобранцев. — Это ваша первая военная операция, и командиром назначается Иккинг.

— Ох, только не Иккинг, — простонал Песьедух Тугодум, а вслед за ним — и другие мальчишки. — Нельзя назначать Иккинга командиром, сэр, он ведь НИКЧЕМНЫЙ.

Иккинг Кровожадный Карасик III, Надежда и Опора и Наследный Принц Племена Лохматых Хулиганов, горестно утер нос рукавом. Его ноги еще глубже погрузились в снег.

— Да, сэр, КТО УГОДНО, сэр, только не Иккинг, сэр, — фыркнул Сопляк Мордovorот. — Даже Рыбьенoг справится лучше, сэр!

Рыбьенoг косил так сильно, что почти ничего не видел, и страдал аллергией на рептилий.

— ТИХО! — рявкнул Брехун Крикливый — Тот, кто скажет еще хоть слово, будет ТРИ НЕДЕЛИ получать на обед только слизняков!

Тотчас же наступила гробовая тишина, Слизняки, если кто не знает, — это нечто среднее между червями и соплями, а на вкус хуже и того, и другого.

— Иккинг будет главным, это приказ! — проревел Брехун.

Брехун вообще не издавал звуков более тихих, чем рев. Это был великан семи футов росту, его единственный зрячий глаз бешено сверкал, а рыжая борода топорщилась, как взорвавшийся фейерверк. Невзирая на холод, он носил лохматые шорты и крошечную жилетку из оленьей шкуры, из которых торчали красные, как у рака, руки и ноги с бугристыми мускулами. В громадном кулаке он сжимал горящий факел, полыхавший, как целый костер.

— Иккинг поведет вас (хотя он и впрямь никуда не годен), потому что Иккинг — сын ВОЖДЯ, а уж так у нас, у Викингов, испокон веков заведено. Где мы, по-вашему, в РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ? И вообще, это наименьшая из ваших сегодняшних проблем. Потому что сегодня вы должны показать себя настоящими Героями. И по древней традиции Племени Лохматых Хулиганов вы должны... — Брехун выдержал эффектную паузу... — ПЕРВЫМ ДЕЛОМ ПОИМАТЬ СВОЕГО ДРАКОНА!

«Ох, тысяча замученных моллюсков», — подумал Иккинг.

— Драконы — вот что выделяет нас среди других племен! — ревел Брехун. — Люди более мелкие дрессируют ястребов, чтобы те для них охотились, и лошадей, чтобы они их возили. И только мы — ГЕРОИ-ВИКИНГИ — осмелились приручить самых диких, самых опасных, самых злобных на свете зверей!

Брехун торжественно сплюнул в снег.

— Испытание Драконьим Воспитанием состоит из трех частей. Первая и самая опасная часть — проверка вашего мужества и воровских навыков. Если вы хотите стать полноправными членами Племени Лохматых Хулиганов, то сначала должны поймать дракона. Вот ПОЧЕМУ, — на всех парах продолжал Брехун, — я и привел вас в это живописное место. Полюбуйтесь на Обрыв Дикого Дракона.

Десятеро мальчишек послушно вскинули головы.

Скалы, черные и зловещие, вздымались на головокружительную высоту. Летом утесы были почти не видны, потому что на них кишмя кишели драконы всевозможных форм и размеров, они рывкали, кусались и галдели на весь остров.

Но зимой драконы впадали в спячку, и над обрывом повисала тишина, нарушаемая лишь зловещим, раскатистым драконьим храпом. Иккинг даже сквозь сандалии чувствовал, как дрожит под ногами земля.

— Видите вон там, наверху, четыре пещеры зияют, будто дырки в черепе? — продолжал Брехун.

Мальчишки кивнули.

— В правом глазу черепа расположены Драконьи Ясли, где сейчас, В ЭТУ САМУЮ МИНУТУ, спят три тысячи молодых драконов. И спать им осталось всего одну неделю.

— УХ ТЫ! — взволнованно пробормотали мальчишки.

Иккинг сглотнул подступивший к горлу комок. Ему довелось узнать о драконах побольше, чем другим мальчишкам. Эти существа восхищали его с самого раннего детства. Он проводил долгие часы, украдкой наблюдая за драконами. (Следить за драконами приходится втайне, потому что тех, кто этим занимается, считают занудами и хлюпиками.) И весь приобретенный опыт подсказывал Иккингу, что войти в пещеру с тремя тысячами драконов (даже спящих) будет чистым безумием.

Однако никто больше, похоже, не тревожился.

— Через пару минут каждый из вас возьмет вот по этой корзине и вскарабкается на обрыв. Добравшись до входа в пещеру, будете действовать самостоятельно. Я не протиснусь в туннель, который ведет в Драконьи Ясли. Войдете в пещеру ТИХО — и ты тоже, Кабанчик, если не хочешь попасть на первый весенний завтрак трем тысячам голодных драконов, ХА-ХА-ХА-ХА!

Брехун похотал немного над своей маленькой шуткой, потом продолжил:

— Драконы такой величины обычно безвредны для человека, но когда их много, они набрасываются, как пираньи. Даже от такого толстяка, как ты, Кабанчик, останется только шлем да горсточка костей. ХА-ХА-ХА-ХА! Поэтому вы должны ТИХО войти в пещеру, и каждый из вас возьмет по ОДНОМУ дракону. ОСТОРОЖНО поднимите дракона с земли и положите в корзину. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Если же вам всё-таки ДОВЕДЕТСЯ разбудить драконов — а для этого нужно быть ПОЛНЫМИ КРЕТИНАМИ, — то бегите из пещеры со всех ног. Драконы не любят холода и снега, поэтому, наверно, не погонятся за вами.

«Наверно? — подумал Иккинг. — Да,

это вселяет надежду».

— Не хватайте кого попало, осмотритесь хорошенько, выбирайте дракона ТЩАТЕЛЬНО! Главное — не ошибиться с размером. Дракон будет ловить для вас рыбу и охотиться на оленей. Потом, когда вы подрастаете и станете Воинами Племена, он понесет вас в бой. Словом, зверь должен производить впечатление, поэтому приблизительный совет такой: хватайте самого большого дракона, который влезет в вашу корзину. И не мешкайте СЛИШКОМ долго...

«Мешкать??? — подумал Иккинг — В пещере с тремя тысячами спящих ДРАКОНОВ?!»

— Вряд ли стоит вам напоминать, — бодро продолжал Брехун, — что если вы вернетесь сюда

без дракона, лучше вам вовсе не возвращаться. Тот, кто НЕ СУМЕЕТ выполнить задачу, будет изгнан из Племена. Лохматым Хулиганам не нужны НЕУДАЧНИКИ. Выживает сильнейший!

Иккинг печально обвел взглядом далекий горизонт, Насколько хватало глаз, тянулось только море да снег, и больше ничего. Изгнание — тоже малоприятный выход.

— ИТАК, — подытожил Брехун, — каждый берет по корзинке для дракона, и пошли.

Радостно болтая, мальчишки поспешили к корзинам.

— Я хочу поймать Ужасное Чудовище с выдвигаемыми когтями, они самые страшные, — заявил Сопляк.

— Да заткнись, Сопляк, куда тебе, — перебил его Забияк. — Владеть Ужасным Чудовищем может только Иккинг, потому что он сын Вождя (отцом Иккинга был Стоик Обширный, грозный Вождь Племена Лохматых Хулиганов).

— ИККИНГ? — захохотал Сопляк. — Да он даже в Бей-боле ни на что не годится! Пусть спасибо скажет, если поймает хотя бы Обыкновенного Коричного.

Обыкновенные Коричные были самой распространенной породой драконов. Из них выходили неплохие работники, но доблестью они не блистали.

— МОЛЧАТЬ! В ШЕРЕНГУ СТАНОВИСЬ, ЖАЛКИЕ ГОЛОВАСТИКИ! — заорал Брехун Крикливый.

Мальчишки торопливо закинули корзины за спины, построились и вытянулись по струнке, держа перед собой факелы. Брехун прошелся вдоль шеренги и поджег их факелы своим громадным костром.

— ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА БЫ СТАНЕТЕ НАСТОЯЩИМИ ВОИНАМИ-ВИКИНГАМИ, С ВЕРНЫМ ЗМЕЕМ У БАС ЗА СПИНОЙ, — проорал Брехун, — ИЛИ С ДРАКОНЬИМИ ЗУБАМИ В ЖИВОТЕ БУДЕТЕ ПИРОВАТЬ ВМЕСТЕ С ОДИНОМ В ВАЛГАЛЛЕ, — закончил он с леденящим душу энтузиазмом.

— СЛАВА ИЛИ СМЕРТЬ! — завопил Брехун.

— СЛАВА ИЛИ СМЕРТЬ! — завопили в ответ восемь мальчишек.

«Смерть», — грустно подумали Иккинг и Рыбьенег.

Брехун выразительно помолчал, потом поднес рог к губам.

«Это САМАЯ худшая минута в моей жизни, — думал Иккинг, ожидая, когда взревет рог, — Если они будут вопить хотя бы еще

чутьточку громче, то наверняка перебудят драконов, и мы не успеем даже НАЧАТЬ...»

— Т-Р-Р-Р-У-У-У-У-УМ! — затрубил Брехун.

2. В ДРАКОНЬИХ ЯСЛЯХ

Вы, наверно, уже догадались, что Иккинга никак нельзя назвать Прирожденным Героем.

Во-первых, он и внешне-то не ВЫГЛЯДИТ как Герой. Вот Сопляк, например, высок, мускулист, с ног до головы разрисован татуировками в виде скелетов, и у него уже пробиваются маленькие усики. Усики эти состоят всего лишь из нескольких желтых волосков, прилипших к верхней губе, и имеют крайне неприятный вид, но для мальчишки неполных тринадцати лет являются неоспоримым признаком мужественности.

Иккинг же ростом невелик, лицом непримечателен. Волосы, правда, у него действительно ГЕРОИЧЕСКИЕ: ярко-рыжая шевелюра вечно стоит дыбом, сколько бы он ни приглаживал её морской водой. Но никто этого не замечает, потому что голова его почти всегда спрятана под шлемом.

Так что вы НИКОГДА бы не признали в Иккинге Героя нашей истории. Из десяти собравшихся на Обрыве Дикого Дракона мальчишек самым заметным был Сопляк: у этого прирожденного вожака всегда всё получалось. А его закадычный приятель Песьедух Тугодум был высок, силен и мог делать поистине удивительные вещи: например, пропукать мелодию Национального Гимна Острова Олух.

Иккинг же был абсолютным середнячком, тощим веснушчатый мальчишкой, которого в толпе и не заметишь.

Поэтому, как только Брехун протрубил в рог и удалился из виду, чтобы отыскать камень поудобнее, усесться и съесть свой бутерброд с мидиями и томатом, Сопляк оттолкнул Иккинга с дороги и взял командование на себя.

— Слушайте, пацаны, — угрожающе заявил он, — Главным буду Я, а не этот Никчемный. А

кто не согласен, отведает кулаков Песьедуха.

— Угу, — хрюкнул огромный как горилла Песьедух, радостно размахивая кулаками.

— Отлупи его, Песьедух, чтоб лучше понял...

Песьедух был рад служить. Он так толкнул Иккинга, что тот рыбкой пролетел пару метров и плюхнулся лицом в снег.

— Слушайте меня все! — прошипел Сопляк. Мальчишки отвели взгляд от Песьедуха с Иккингом и наострили уши. — Привяжитесь друг к другу веревками. Тот, кто лазает лучше всех, пойдет первым.

— Это, конечно, ТЫ, Сопляк, — сказал Рыбьенег. — Ты же у нас во всём лучший, правда?

Сопляк с подозрением уставился на Рыбьенюга. Трудно было сказать, смеется тот или говорит серьезно, потому что косые глаза мальчишки смотрели в разные стороны.

— Верно, Рыбьенег, — подтвердил Сопляк, немного подумав. — Я во всём лучший. Песьедух, а ну-ка, отлупи его... — Вдруг паршивец всё же смеется?

Пока Песьедух запихивал Рыбьенюга в сугроб вслед за Иккингом, Сопляк с хозяйским видом проследил, чтобы все мальчишки обвязались веревками.

Иккинг с Рыбьенюгом были в связке последними, сразу за торжествующим Песьедухом.

— Красота, — пробормотал Рыбьенег. — Я войду в пещеру, полную рептилий-людоедов, в связке с восемью круглыми идиотами.

— Если мы еще

доберемся до пещеры... — отозвался Иккинг, со страхом глядя на отвесный черный обрыв.

Он зажал в зубах зажженный факел, чтобы освободить руки, и принялся карабкаться вслед за остальными. ***

Подъем был сложным. От снега камни стали скользкими, а перевозбужденные мальчишки карабкались слишком быстро. Один раз Бестолков поскользнулся и упал — к счастью, на Песьедуха; тот подхватил его за пояс штанов и водрузил обратно на скалу, пока он не утянул за собой всю связку.

Наконец они добрались до пещеры. Иккинг бросил быстрый взгляд на свинцовое море, яростно бьющееся о камни далеко внизу, и судорожно сглотнул.

— Развяжите веревки! — приказал Сопляк. При мысли о грядущих опасностях его глаза радостно выпучились. — Первым в пещеру войдет Иккинг, потому что ОН — сын Вождя. — Сопляк фыркнул. — И если драконы УЖЕ проснулись, он узнает об этом первым. Когда войдем в пещеру — каждый сам за себя. Выживает сильнейший!

Иккинг не был безмозглым головорезом, как остальные Хулиганы, но не был он и хлюпиком. Бояться — еще не значит быть трусом. Быть может, он был даже храбрее, чем остальные мальчишки, потому что всё-таки пошел ловить дракона, хоть и знал, как это опасно. И когда он (с риском для жизни) добрался до пещеры и очутился в длинном извилистом туннеле, он заставил себя идти вперед, хоть и не одобрял длинных извилистых туннелей с драконами в конце.

В туннеле было мокро. Временами потолок поднимался так высоко, что мальчишки могли

выпрямиться во весь рост. Но потом проход снова сужался, и им приходилось ползти на животе, зажав факелы в зубах.

Минут через десять-пятнадцать трудного пути — то пешком, то ползком — в нос мальчишкам ударил удушающий драконий запах. Соленая вонь гниющих водорослей мешалась с неповторимым ароматом прошлогодних рыбьих голов. Запах становился всё сильнее и сильнее, а когда он стал уж совсем невыносимым, туннель распахнулся в огромнейшую пещеру.

Сколько же в ней было драконов! Иккинг и не подозревал, что на свете существуют такие громадные стаи.

Драконы всевозможных размеров пестрели самыми невероятными расцветками; там были все породы, какие Иккинг знал, и много таких, о которых он и не слыхивал.

Неисчислимы полчища драконов грудями громоздились на полу, лепились к стенам, высились на каждом камне, даже свисали гроздьями с потолка, будто летучие мыши. Драконы крепко спали и дружно храпели в унисон. Храп этот был настолько громкий и утробный, что буквально пронизал Иккинга насквозь; его желудок задрожал мелкой дрожью, под ложечкой засосало, и даже сердце заколотилось в такт с медленным драконьим пульсом.

Если хоть одна, всего лишь одна из этих бесчисленных тварей проснется, она тотчас же поднимет шум, разбудит остальных, и тогда мальчишек ждет страшная смерть. Однажды Иккинг видел дикого оленя, который подошел слишком близко к Обрыву Дикого Дракона: не прошло и трех секунд, как его разорвали на мелкие кусочки...

Иккинг зажмурился. «Я НЕ БУДУ думать об этом, — велел он себе. — НЕ БУДУ!»

Никто из остальных мальчишек об этом и не думал.

В таких обстоятельствах невежество иногда бывает полезным. Мальчишки как зачарованные бродили по пещере, вытаращив глаза и зажав руками носы от удушающей вони. Каждый старательно высматривал самого большого дракона, который поместится в его корзину.

Факелы они сложили у входа. В пещере было довольно светло, потому что по стенам ползали Светляки — огромные медлительные твари, которые светились ровным тусклым светом, будто низковаттные электрические лампочки. А из ноздрей спящих Огнедышников при каждом вздохе вылетали маленькие язычки яркого пламени.

Само собой, почти все мальчишки направились напрямиком к главным забиякам драконьего мира.

Сопляк долго крутился вокруг очень злобного на вид Ужасного Чудовища, давая всем понять, что хочет поймать именно его. При этом он издевательски ухмылялся Иккингу. Дело в том, что отцом Сопляка был Толстопуз Пивной Живот, младший брат Стоика Обширного, и Сопляк очень надеялся найти способ избавиться от Иккинга, чтобы самому стать Вождем Племена Лохматых Хулиганов. А грозному свирепому Вождю, каким будет Сопляк, полагается самый могучий и страшный дракон.

Кабанчик и Песьедух громким шепотом переругивались над Громмелем — мерзким, закованным в броню страшилищем. Острые клыки длиной с кухонный нож торчали у дракона изо рта так часто, что тот не мог закрыть пасть. Песьедух победил, но потом, запихивая зверя в корзину, умудрился уронить его. Тяжелый панцирь чудовища громко загрохотал по каменному полу пещеры.

Громмель открыл злобный крокодилий глаз...

Мальчишки зажмурились...

Громмель тупо пялился на мальчишек...

Мальчишки затаили дыхание...

И тут Иккинг заметил, что тонкое, как паутинка, третье веко дракона всё еще опущено.

Оно оставалось опущенным еще несколько страшных мгновений, пока, наконец...

...Громмель медленно закрыл глаза и, повернувшись на другой бок, оглушительно захрапел.

Как ни странно, больше никто из драконов не проснулся, Кое-кто сонно поворчал, устраиваясь поудобнее, и снова погрузился в сон. Но большинство по-прежнему пребывало в глубоком оцепенении.

Иккинг осторожно перевел дух. Быть может, эти драконы вообще просыпаются только к весне?!

Он судорожно вздохнул, пробормотал молитву богу Локи — покровителю хитрых уловок — и осторожно шагнул вперед, чтобы выбрать самого сонного на вид дракона. Скорее бы покончить с этим кошмаром! ***

Вам, должно быть, неизвестно, что пребывающие в глубокой спячке драконы сильно остывают.

Иногда драконы даже впадают в Сонную Кому — тогда они делаются холодными как лед, и у них нельзя различить ни пульса, ни дыхания, ни сердцебиения. В таком состоянии они могут пребывать веками, и только опытный драконовед способен определить, живы они или нет.

Но дракон, который бодрствует или спит неглубоко, обычно теплый, как свежесдобитый хлеб.

Иккинг отыскал дракона подходящего размера, который был достаточно холодным на ощупь, и осторожно засунул его в корзину. Это был самый что ни на есть обыкновенный Обыкновенный Коричный, но в ту минуту Иккингу было всё равно. Дракон, даже молоденький, оказался невообразимо тяжелым.

«Я СДЕЛАЛ, СДЕЛАЛ, СДЕЛАЛ это!» — радостно запел про себя Иккинг. Остальные мальчишки тоже раздобыли себе драконов и теперь тихонько пробирались к выходу. Все, кроме...

Кроме Рыбьенога, который уже покрылся ярко-красной сыпью и в эту самую минуту на очень громких цыпочках приближался к клубку свившихся в узел Змеевиков.

По части воровства Рыбьеног оказался даже хуже Иккинга!

Перепуганный Иккинг застыл на месте,

— Стой, Рыбьеног, НЕ ШЕВЕЛИСЬ! — зашипел он.

Но Рыбьеногу до смерти надоели вечные подтрунивания и насмешки Сопляка. Он вознамерился раздобыть себе самого крутого дракона, над которым никто не посмеет хихикать.

Яростно почесываясь и вытирая слезы, Рыбьеног скосил глаза так сильно, что почти

разглядел драконий клубок. Он медленно приблизился к самому нижнему дракону, взял его за ногу и очень осторожно... дернул.

Тугой клубок рассыпался вихрем беспорядочно взметнувшихся лап, хвостов и ушей.

Мальчишки испуганно ахнули.

Рассерженные Змеевики (по их мордам трудно было понять, проснулись они или нет) немного погавкали друг на друга и снова принялись устраиваться ко сну.

Но один зверь — покрупнее остальных! — все-таки открыл глаза и заморгал.

Иккинг с облегчением заметил, что третье веко у него опущено.

Мальчишки ждали...

Когда же он закроет глаза?!

И в этот миг Рыбьенег чихнул!

Четыре оглушительных «АПЧХИ!!!» взлетели под свод пещеры и, многократно усиленные эхом, весело покатались между спящими драконьими тушами.

Большой Змеевик по-прежнему пялился в пустоту незрячими глазами, неподвижный, как драконова статуя.

А потом оч-чень, оч-чень медленно в его глотке зародился тихий клокочущий звук.

И оч-чень, оч-чень медленно...

...его третье веко чуточку приоткрылось.

— Ой-ой-ой, — сказал Иккинг.

Внезапно Змеевик взметнул голову и уставился на мальчишек. Его желтые кошачьи глаза вспыхнули недобрым огоньком. Он расправил крылья и медленно двинулся к Рыбьенегу — совсем как пантера, готовая к прыжку. Дракон разинул пасть, высунул раздвоенный змеиный язык и...

— Б-Е-Е-Е-Ж-Ж-И-И-И-И-И-М-М! — что есть мочи заорал Иккинг, схватил Рыбьенегу за руку и потащил его прочь.

Мальчишки рванули к туннелю. Иккинг и Рыбьенег как всегда оказались последними.

Нагибаться за факелами было некогда, поэтому бегство происходило в кромешной темноте. На спине у Иккинга тяжело подсакивала корзина с Обыкновенным Коричным драконом.

У них была фора минуты в две — именно столько времени понадобилось разбуженному Змеевику, чтобы растолкать остальных драконов. У себя за спиной Иккинг уже слышал разъяренный рев и хлопанье крыльев — драконы ринулись в погоню.

Он прибавил ходу.

Драконы передвигались быстрее мальчишек, потому что лучше видели в темноте, но в узких местах им приходилось складывать крылья и протискиваться, и там они отставали.

— У... меня... нет... дракона, — пропыхтел Рыбьенег, бежавший в паре шагов за Иккингом.

— Это... не... — отозвался Иккинг, со всех локтей вползая в узкую расщелину, — не... САМАЯ... большая... ох... беда. Они нас догоняют!

— Нет... дракона, — упрямо повторил Рыбьенег.

— Да угомонись ты, РАДИ ТОРА, — огрызнулся Иккинг.

Он сунул приятелю в руки свою корзину и снял у него со спины пустую.

— Возьми мою. Жди здесь.

Иккинг принялся протискиваться обратно. Дракониий галдеж приближался.

— ЧТО... ТЫ... ДЕЛАЕШЬ? — завопил Рыбьенег, в ужасе приплясывая на месте.

Спустя несколько бесконечных мгновений Иккинг вновь появился в расщелине. Рыбьенег схватил его за руку и помог вылезти. Тут же послышалось громкое пыхтение — дракон просунул в дыру морду. Иккинг швырнул в него камнем, и морда оскорбленно взвизгнула.

Они свернули за угол, и впереди забрезжил дневной свет...

Рыбьенег полз первым.

Как только Иккинг опустился на колени, сзади на него налетел дракон.

Иккинг двинул его ногой.

Дракон принялся вопить и хлопать крыльями.

Иккинг упрямо полз к свету.

Тут еще один дракон (а может, тот же самый) вцепился зубами в Иккингову лодыжку.

Иккинг продолжал ползти, волоча дракона за собой.

Как только из туннеля показались голова и плечи Иккинга, на него налетел Брехун. Он схватил мальчика под мышки и, как пробку из бутылки, выдернул из дыры. Следом тут же полезли драконы.

— ПРЫГАЙ! — заорал Брехун, отшвырнув очередного дракона ударом могучего кулака.

— Как это — ПРЫГАЙ? — недоумевающе переспросил Иккинг, глядя на плескавшееся далеко внизу море.

— Некогда спускаться, — пояснил Брехун, треснув лбами двух драконов и стряхнув еще троих со своего громадного живота — ПРЫГАЙ!!!

Иккинг зажмурился и прыгнул.

Пока он летел, дракон, вцепившийся в его ногу, разжал зубы и с недовольным криком упорхнул.

Падал Иккинг так быстро, что вода, когда он долетел до нее, показалась ему вовсе и не водой (то есть субстанцией мягкой и весьма податливой), а твердой поверхностью, о которую он очень больно ударился.

От холода перехватило дыхание.

Отплевываясь, Иккинг вынырнул и с удивлением обнаружил, что всё еще жив. Тут его с

плеском накрыла высокая волна — это в паре футов от него плюхнулся в воду Брехун Крикливый.

Тысячи драконов с яростными воплями вылетали из пещеры и пикировали на плавающих викингов.

Иккинг поглубже натянул шлем. С отвратительным скрежетом драконьи когти царапали тонкий металл. На воду прямо перед Иккингом опустилась еще одна крылатая зверюга. Но, ощутив, какая холодная нынче водичка, тут же сердито завопила и улетела восвояси. Драконы не любят летать в снегопад! Иккинг с удовлетворением смотрел, как они толпятся у входа в теплую пещеру, выкрикивая страшные проклятия на драконьем языке, а потом скрываются внутри.

Брехун принялся вытаскивать мальчишек из воды. Юные викинги — хорошие пловцы, но нелегко удержаться на воде, когда у тебя за спиной в корзине барахтается перепуганный (и тяжелый!) дракон. Иккинга спасли последним — как раз вовремя, потому что от холода его уже начало клонить в сон.

«Ну что ж, СМЕРТЬ меня, слава Тору, миновала, — подумал Иккинг, когда Брехун сильной рукой схватил его за шиворот (чуть не утопив при этом) и вытащил на камни. — Но и до СЛАВЫ как до Луны».

3. ГЕРОИ ИЛИ ИЗГНАННИКИ

Продрогшие мальчишки выкарабкались на пляж и, то и дело поскользываясь на мокрой гальке, побрели домой. Путь их лежал через Чокнутый Овраг — узкое обрывистое ущелье между грозно нависающими скалами. Мальчишки спешили изо всех сил, но нелегко спешить, когда ноги скользят по громадным обледенелым камням.

В небе над ущельем кружил одинокий дракон, почему-то не испугавшийся холода и снега. С громким криком он ринулся на Кабанчика и вцепился когтями ему в плечо. Брехун саданул наглеца в нос рукояткой топора, дракон выпустил Кабанчика (оставив ему на память глубокие красные царапины) и, прокричав что-то невразумительное, улетел.

И тут же на его место хлынула целая стая драконов. Драконы пикировали с небес, растопырив когти, вопили страшными хриплыми голосами, а из их ноздрей вырывались языки пламени, от которых таял снег...

Брехун стоял, широко расставив ноги, и яростно размахивал огромным двуручным топором. Он откинул назад громадную лохматую голову и издал грозный первобытный Клич, громким эхом прокатившийся по ущелью. От этого Клича волосы на затылке у Иккинга встали дыбом, как иголки морского ежа.

Общеизвестно, что поодиночке драконы обладают здравым инстинктом самосохранения, но в стаях сильно наглеют. Сейчас они понимали, что за ними численное превосходство, и особого внимания на издающего Клич Брехуна не обращали. Надвигались, и всё тут!

Тогда Брехун швырнул в них топор.

Кувыряясь в воздухе, топор прорезал пелену падающего снега и ударил самого большого дракона, прибив его на месте. Потом пролетел еще сотню метров, приземлился в здоровущий сугроб и исчез.

Оставшиеся в живых драконы задумались. А, подумав, одни из них торопливо бросились наутек, таякая, как перепуганные дворняжки. Другие остановились и принялись неуверенно топтаться над ущельем, громко ругаясь, но всё же держась на почтительном расстоянии.

— Такой добрый топор пропал, — проворчал Брехун. — Пошли, ребята, они могут вернуться!

Иккинга не было нужды звать дважды. Едва выбравшись из ущелья на болотистую равнину, он пустился бежать. Ноги его не слушались, он то и дело слотыкался и падал лицом в снег.

Немного погодя Брехун решил, что они достаточно удалились от Обрыва Дикого Дракона, и громким ревом велел мальчишкам остановиться.

Он тщательно пересчитал мальчишек по головам, чтобы удостовериться, не потерялся ли кто-нибудь. Поход на скалы стоил Брехуну десяти пренеприятнейших минут, когда он стоял у входа в пещеру и спрашивал себя, какой идиот перебудил всех драконов, и что он скажет Стоику Обширному, если потеряет его драгоценного сына и наследника.

Надо будет сказать что-нибудь Тактичное и Чувствительное, решил он, однако Тактичность и Чувствительность не были сильными сторонами его натуры. поэтому за первые пять минут Брехун придумал только «Иккингу кранты. ИЗВИНИ», а последние пять минут он просто стоял и рвал на себе бороду.

Поэтому Брехун, хоть втайне и испытывал облегчение, всё же не отличался Хорошим Расположением Духа и, едва переведя дыхание, взорвался, как вулкан и обрушился на мальчишек, которые выстроились в понурую шеренгу и дрожали крупной дрожью.

— НИКОГДА! НИКОГДА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ... не встречал я такого жалкого сборища БЕСПОМОЩНЫХ КАРАКАТИЦ! — ревел Брехун. — КТО ИЗ ВАС, НИКЧЕМНЫЕ МОЛЛЮСКИ ПЕРЕБУДИЛ ВСЕХ ДРАКОНОВ???????

— Я, — признался Иккинг. Что не было чистой правдой.

— ЧУДЕСНО! — проревел Брехун. — ПРОСТО ВЕЛИКОЛЕПНО! Наш Будущий Вождь демонстрирует свои грандиозные Предводительские Качества! В нежном возрасте десяти с половиной лет он едва не угробил себя и всех нас в ПРОСТЕЙШЕЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ!

Сопляк хихикнул.

— Ты, Сопляк, находишь здесь что-то смешное? — вкрадчиво поинтересовался Брехун. — Следующие три недели ВСЕ БУДУТ ПИТАТЬСЯ ТОЛЬКО СЛИЗНЯКАМИ!

Мальчишки застонали.

— Молодчина, Иккинг, — прошипел Сопляк. — Жду не дождусь увидеть тебя на поле боя.

— ТИХО! — рявкнул Брехун. — ВАМ ПРЕДСТОИТ ПОСВЯЩЕНИЕ В ВОИНЫ, А НЕ ЗАГОРОДНАЯ ПРОГУЛКА! ТИХО, А НЕ ТО ДО КОНЦА ЖИЗНИ БУДЕТЕ ПИТАТЬСЯ МОКРИЦАМИ!

— А теперь, — продолжил он уже более спокойно, — хоть вы и испоганили всё дело, это еще не катастрофа. НАДЕЮСЬ, у нас у всех ЕСТЬ драконы?

— Да, — хором ответили мальчишки.

Рыбьеог покосился на Иккинга, но тот смотрел прямо перед собой.

— Вам повезло, — зловеще заявил Брехун, — Значит, первую часть Драконьего Испытания

вы прошли. Однако вам предстоит еще две части, и только потом вы сможете стать полноправными воинами Племени. Следующая задача: вы должны самостоятельно выдрессировать своих драконов. Этим вы покажете силу ваших личностей. Вы пустите в ход всю свою силу воли и покажете этим диким тварям, кто здесь Хозяин. Дракон должен выполнять простейшие команды типа «лети» и «стой» и ловить для вас рыбу так, как испокон веков все драконы ловили рыбу для Сынов Тора. Если процесс обучения вызовет у вас затруднения, внимательно изучите книгу профессора Дряблинга «Как приручить дракона». Ее можно найти у камина в Парадном Зале.

Неожиданно Брехун самодовольно ухмыльнулся.

— Когда-то я сам стырил эту книгу в Остолопской Публичной Библиотеке, — похвастался он, скромно разглядывая свои черные ногти. — Прямо из-под носа у Мятого Косматого Библиотекаря. Он даже не заметил... На что только не пойдешь РАДИ Племени...

Кабанчик поднял руку.

— А если кто не умеет читать, сэр?

— Нечего хвастаться, Кабанчик, — прогрохотал Брехун. — Найди какого-нибудь идиота, пусть прочтёт тебе вслух. Ваши драконы снова засыпают, потому что их время сна еще не кончилось... — И правда, многие драконы в корзинах притихли. — Поэтому отнесите их домой и поставьте в теплое место. На подготовку драконов вам дается ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА. Заключительная часть вашего Испытания и Посвящения в воины состоится в Торев Вторник, на большом празднике Племени. Если вы к этому дню сумеете обучить своих драконов так, что вас одобряю я и другие Старейшины Племени, то сможете гордо назвать себя Хулиганами Острова Олух.

Мальчики вытянулись в струнку, как настоящие Хулиганы.

— ГЕРОИ ИЛИ ИЗГНАННИКИ! — проревел Брехун Крикливый.

— ГЕРОИ ИЛИ ИЗГНАННИКИ! — преданно завопили а ответ восемь мальчишек.

«Изгнанники», — грустно подумали Иккинг и Рыбьенг. ***

— Надоело мне... быть... викингом, — пропыхтел Рыбьенг, пробираясь вместе с Иккингом через заросли папоротника к Хулиганской деревне.

На будущее вам полезно будет знать, что по острову Олух невозможно просто

ходить, всегда приходится

пробираться — сквозь вереск или папоротник, по грязи или снегу, которые противно липнут к подошвам, не давая поднять ноги. В этой стране море и суша вечно падают друг на друга и перемешиваются. Весь остров сверху донизу изрыт пещерами, вырытыми водой, и пронизан лабиринтом подземных ручьев. Поставишь ногу на твердую, казалось бы, травяную кочку — и проваливаешься по пояс в липкую черную грязь. Идешь по зарослям папоротников — и вдруг оказывается, что ты уже переходишь вброд глубокую, холодную как лед речку.

Мальчишки и без того промокли до костей после морского купания, а тут еще снегопад сменился проливным дождем. Под напором штормового ветра, какой неизменно дует над соляными пустошами острова Олух, его длинные горизонтальные струи хлестали прямо в лицо.

— В четверг с самого утра едва избежали страшной смерти, — жаловался Рыбьенг, — а потом младшая половина Племени поливает тебя полным презрением... Да после этого со

мной НИКТО и разговаривать-то не станет — разве что ты, Иккинг. Правда, ты тоже чудак вроде меня...

— Спасибо, — сказал Иккинг.

— И в придачу ко всему, — с горечью продолжал Рыбьеног, — приходится добрых две мили тащить на спине ошалелого дракона... (Корзина за плечами у Рыбьенога бешено дергалась из стороны в сторону — это дракон рвался наружу). А в конце пути на обед меня ждут только гнусные слизняки.

Иккинг спорить не стал — перспектива, действительно, малоприятная.

— Можешь забрать этого дракона назад, если хочешь. Но предупреждаю, когда они намокнут и рассердятся, то делаются жутко тяжелыми, — пожаловался Рыбьеног. — Брехун тебя на клочки разорвет, когда узнает, что у тебя нет дракона.

— Но у меня ЕСТЬ Дракон, — ответил Иккинг.

Рыбьеног остановился и начал стаскивать корзину со спины.

— Да, я знаю, на самом деле он ТВОЙ, — устало вздохнул он. — Пожалуй, пойду я своей дорогой, не заходя в деревню, и буду бежать, пока не доберусь до цивилизованных мест. Может, до Рима... Всегда хотел побывать в Риме, А то, если я не пройду Посвящения, то всё равно не попаду в Валгаллу, поэтому...

— Да нет же, у меня есть

другой дракон, он у меня в корзине, — сказал Иккинг.

У Рыбьенога от удивления отвисла челюсть.

— Я его поймал, когда вернулся в туннель, — пояснил Иккинг.

— Как же так, тысяча мокрых моллюсков, — воскликнул Рыбьеног. — Как, ради Тора, ты сумел его разглядеть?! Там же было темно, хоть глаз выколи...

— Странное дело, — объяснил Иккинг. — Я вроде как почувствовал его, когда мы бежали по туннелю. Ничего не видел, но когда проходил мимо, то

знал, что там сидит дракон и он должен стать МОИМ. В спешке я сначала и внимания на него не обратил, но потом ты сказал, что у тебя нет дракона, и я вернулся, а он... он сидел там, на карнизе, как я и представлял себе.

— Ну и ну, тысяча дохлых медуз, — покачал головой Рыбьеног, и мальчишки побежали дальше.

Иккинг был с нот до головы покрыт синяками и дрожал от пережитого страха. Глубокая рана на лодыжке, там, куда его укусил дракон, огнем горела от морской воды. Он продрог до костей, а обрывок водоросли, как назло, попал в сандалию и теперь натирал ногу.

К тому же он недолго беспокоился, потому что знал: его не похвалят за то, что он рисковал жизнью, добывая дракона для Рыбьенога. Герои-Викинги так не поступают. Настоящий Герой-Викинг ни за что не встанет между Рыбьеногом и его Судьбой.

С другой стороны, он уже много лет жил в страхе перед этим днем — Днем, Когда Надо Поймать Дракона. Иккинг был уверен, что будет единственным, кто вернется домой без дракона, и тогда его ждут лишь слезы, стыд и позорное изгнание.

А теперь у него ЕСТЬ дракон, и есть шанс стать настоящим Воином-Викингом.

Поэтому в целом Иккинг был весьма доволен собой.

Жизнь

несомненно налаживалась...***

— Слушай, Иккинг, — сказал Рыбьенег немного позже, когда на горизонте показались крепостные стены деревни. — Может, это твоя Судьба. Этот дракон предназначен богами для тебя. Может, он какой-нибудь чудесный. Например, такой, что перед ним Ужасное Чудовище покажется жалким лягушонком! Ты же, в конце концов, сын и наследник Вождя Стоика, и пора бы уже Судьбе подать тебе знак.

Мальчишки остановились, пыхтя от натуги.

— Да нетт наверняка мне попался какой-нибудь Простой Садовый, — ответил Иккинг стараясь говорить беззаботно, но голос его предательски дрогнул.

Может, он и в самом деле раздобыл нечто необыкновенное?!

Может, Старый Сморчок был всё-таки прав?! Старым Сморчком звали Иккингова дедушку с маминой стороны. На старости лет он занялся пророчеством и без конца предрекал Иккингу великие дела.

Этот удивительный дракон станет первым шагом на пути перерождения прежнего заурядного Иккинга, у которого всё валилось из рук, в настоящего Героя Будущего!

Иккинг снял со спины корзину и хотел открыть, но помедлил.

— Что-то он притих, — с тревогой заметил Рыбьенег, внезапно разуверившись в своей теории Судьбы. — Совсем не шевелится. Как ты думаешь, он еще живой?

— Живой, просто спит крепко, — ответил Иккинг. — Когда я его взял, он был холодный, как камень.

Внезапно у него в душе родилась уверенность, что боги на его стороне. Дракон жив — это он ЗНАЛ наверняка.

Дрожащими пальцами Иккинг расстегнул застёжку, снял крышку корзины и очень осторожно заглянул внутрь. Рядом склонился Рыбьенег.

Жизнь уже не казалась такой прекрасной.

На дне корзины, свернувшись в тугой клубочек, спал самый простой и садовый из всех Простых Садовых драконов.

Единственной необычайной чертой этого дракона был его размер. Он был настолько необычайно МАЛ, что других необычайных черт, чтобы сделать его

абсолютно необычайным, и не требовалось.

Вам полезно будет знать, что практически все драконы, с которыми охотятся викинги, достигают размера собак-лабрадоров. Драконы-подростки, которых добывают мальчишки, естественно, не так велики, но со временем подрастают. Этот же дракончик скорее походил на карликового пуделя.

Иккинг недоумевал: как же он сумел проворонить такое важное обстоятельство? Наверное, в

тот момент, в туннеле, у него плохо варили мозги. И неудивительно: чего еще ждать, когда на тебя сломя голову несутся тысячи голодных драконов? К тому же драконы, пребывающие в Сонной Коме, обычно весят больше, чем когда просыпаются.

— Ладно, — сказал наконец Иккинг. — Вот она, рука Судьбы! Ты хочешь добыть Злобного Змеевика — и хватаешь Обыкновенного Коричного. Я тянусь в темноте за драконом, и кто мне попадает под руку? Простой Садовый! Видимо, боги хотят сказать нам, что мы с тобой, Рыбьенег, Обыкновенные Садовые Головы. Не суждено нам стать Героями!

— Ну, со МНОЙ-то всё ясно, — отозвался Рыбьенег. — Но тебе

неприменно предстоит стать Героем. Не забывай, ты сын Вождя. И когда-нибудь ты станешь Героем, вот увидишь...

Рыбьенег помог Иккингу надеть корзину на спину, и мальчишки побрели к деревенским воротам.

— ...И я от всей души НАДЕЮСЬ, что станешь. Мне совсем не хочется идти в битву за Сопляком. Один твой мизинец больше смыслит в военной тактике, чем Сопляк со своей тупой башкой...

Может, он был и прав, но сейчас Иккинг понимал:

с этим драконом ему не только не продемонстрировать чудес дрессировки — дай бог сохранить свое привычное место на задворках мальчишеской компании.

С таким крошечным драконом он будет просто смешон.

Каких только гадостей не наговорит ему Сопляк, когда увидит этого дракончика!

4. КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

— ХА-ХА-ХА-ХА!

Сопляк не стал говорить Иккингу гадости.

Он вообще не смог сказать ни слова.

Он покатывался от хохота.

Мальчишки задержались у деревенских ворот, чтобы похвастаться пойманными драконами. Иккинг попытался было незаметно проскользнуть мимо, но Сопляк схватил его за шиворот.

— Ну-ка, посмотрим, что за каракатицу поймал наш Иккинг, — заявил он и снял крышку.

— Вот это да! Нет, вы только ПОЛЮБУЙТЕСЬ! — воскликнул он, всласть нахохотавшись. — Иккинг, что ЭТО за малявка? Дохлый кролик с крылышками? Цветочная фея? Лохматая летучая лягушка? Эй, все сюда, подходите, смотрите, какую роскошную зверюгу поймал себе наш Будущий Вождь!

— Да, Иккинг, ты и впрямь

никчемный, — проскрипел Забияк. — Ты же сын ВОЖДЯ, разрази тебя Тор. Почему же ты не поймал себе Ужасное Чудовище с шестифутовыми крыльями и выдвигаемыми когтями? Вот это

убийцы так убийцы.

— У меня-то как раз такой, — ухмыльнулся Сопляк и показал на грозного огненно-красного зверя, дремавшего у него в корзине. — Я назову ее ОГНЕВИЦА. А ты, Иккинг, как назовешь своего дракончика? Сластена? Ягодка? Малышка?

В этот миг, как нарочно, Иккингов драконник сладко зевнул, продемонстрировав маленькую пасть с дрожащим раздвоенным язычком и нежно-розовые десны, в которых не было НИ ЕДИНОГО ЗУБА!

От смеха Сопляк покатился по земле, и Песьедуху пришлось его поднимать.

— БЕЗЗУБЫЙ! — вопил Сопляк. — Иккинг умудрился поймать единственного БЕЗЗУБОГО дракона в нецивилизованном мире! Вот это да! Иккинг НИКЧЕМНЫЙ и его БЕЗЗУБЫЙ дракон!

Рыбьенег решил прийти Иккингу на помощь.

— Сам знаешь, Сопляк Мордovorот,

тебе не разрешат владеть Ужасным Чудовищем, которого ты притащил, — сказал он. — Только сыновья Вождей могут владеть Ужасными Чудовищами! Твоя Огневица по праву принадлежит Иккингу!

В ответ Сопляк заломил Рыбьенегу руку.

— Да кто тебя послушает, планктонья ты душа, бестолочь рыбьенегая, — злобно прищурившись, зашипел он. — Из-за тебя с твоим чахоточным насморком вся военная операция чуть не пошла прахом. Когда я стану Вождем, то первым делом изгоню из Племена всех аллергиков и хлюпиков вроде тебя. Ты недостоин быть Хулиганом!

Рыбьенег побледнел, но всё же сумел пропищать:

— НИКОГДА тебе не стать Вождем Племена. Нашим Вождем будет ИККИНГ.

Сопляк выпустил Рыбьенегу и угрожающе надвинулся на Иккинга.

— Кто — он? Говоришь, мне не разрешено владеть Ужасным Чудовищем, да? Что-то наш Будущий Вождь язык проглотил! Смотри, Иккинг, я краду твое наследное право. Что будешь делать, а?

Мальчишки притихли. У них на глазах Сопляк открыто нарушал старинный Викинговский Закон.

— Иккинг должен вызвать тебя на бой за этого дракона, — медленно проговорил Рыбьенег, и все мальчишки выжидательно уставились на Иккинга.

— О, великолепно! — пробормотал Иккинг. — Спасибо тебе, Рыбьенег. Дела идут всё лучше и лучше.

Сопляк был мускулистым верзилой и мог отколошматить кого угодно и без помощи Песьедуха. Он даже обувался в специальные сандалии с бронзовыми носками, чтобы лягаться побольнее. В общем, Иккинг старался не попадаться ему на пути.

Но проигнорировать вызов своему статусу, на который его так любезно подставил Рыбьенег, Иккинг не мог. Иначе он прослышет трусом. А если в Племени Лохматых Хулиганов ты прослывешь трусом, то можешь смело ставить на себе крест: надевай розовый жилет, бери в

руки арфу и меняй имя на Эрминтроду.

— Вызываю тебя на бой, Сопляк Мордovorот, за этого дракона Огневицу, которая принадлежит мне по праву, — заявил Иккинг. Чтобы никто не заметил, как не хочется ему затевать этот бой, он говорил очень громко и очень официально.

— Принимаю вызов, — сверхпоспешно отозвался Сопляк, самодовольно ухмыляясь во весь щербатый рот. — На топорах или на кулаках?

— На кулаках, — ответил Иккинг. Затея с топорами ему СОВСЕМ не нравилась.

— Жду не дождусь показать тебе, как сражается настоящий Будущий Герой, — заявил Сопляк. — Но только ПОСЛЕ Торова Вторника, после Посвящения. Не хочу затупить носки сандалий, когда буду пинками гнать тебя через всю деревню.

— А может, Иккинг победит, — возразил Рыбьенoг.

— ДА КУДА ЕМУ! — расхохотался Сопляк — Только посмотри, какая у меня Спортивная Форма, сколько Викинговского Мужества, как я расположен к Безумной Жестокости! Я несомненно выиграю и в один прекрасный день стану Вождем Племена. Ты только посмотри! какой дракон у меня, и какой — у НЕГО. — Он насмешливо указал на беззубое Иккинговое приобретение, — Боги сказали свое слово. Моя победа — дело времени. А до тех пор, — насмешливо продолжал Сопляк, — я буду жить в вечном страхе того, что Иккингова черепашка сжует меня до смерти своими беззубыми деснами.

И Сопляк удалился царственной походкой, на ходу больно лягнув Иккинга в голень. ***

— Прости, что подбил тебя на вызов, — сказал Рыбьенoг, когда мальчишки отнесли корзины с драконами домой и сунули под кровать.

— Да чего уж там! — отмахнулся Иккинг. — Рано или поздно кто-нибудь всё равно вынудил бы меня на это. Сам знаешь, как они обожают драки.

Иккинг и Рыбьенoг направлялись к Парадному Залу, чтобы взять книгу профессора Дряблинга «Как приручить дракона», которую рекомендовал им Брехун.

— По правде сказать, — признался Иккинг, — я немножко разбираюсь в драконах, но понятия не имею, с чего начинать дрессировку. Мне кажется, они совершенно необучаемы. Так что совет нам не помешает.

Как всегда, в Парадном Зале царил жуткий галдеж: юные варвары дрались, вопили и играли в популярную среди викингов игру Бей-бол — жесткий контактный вид спорта, в котором было очень много контактов и очень мало правил.

Нужную книгу Иккинг и Рыбьенoг нашли с трудом: она была засунута в самую глубину камина, чуть ли не в самый огонь.

Раньше Иккинг никогда ее не замечал.

Он открыл книгу.

(Здесь я помещаю репринтное воспроизведение книги профессора Дряблинга «Как приручить дракона» — с той лишь целью, чтобы читатель разделил с Иккингом те трепетные чувства, которые тот испытал, когда, полный надежды, интереса и предвкушения, впервые раскрыл этот славный том. Представьте себе роскошный фолиант в толстом кожаном переплете с витиеватыми позолоченными буквами и с большими золотыми застёжками. Такую книгу приятно взять в руки!)

— И ЭТО ВСЁ? — воскликнул Иккинг. Он перевернул книгу вверх тормашками и очень тщательно встряхнул ее — не завалялось ли между страниц еще чего-нибудь, кроме единственного листочка бумаги.

Но в книге больше ничего не было.

Иккинг отложил книгу.

Его лицо было на редкость мрачным.

— Ладно, Рыбьенг, — сказал он. — Поскольку орать ты умеешь не лучше меня, придется думать самим. Надо выработать свой собственный метод дрессировки драконов.

5. БЕСЕДА СО СТАРЫМ СМОРЧКОМ

Наутро Иккинг первым делом заглянул под кровать — как там дракон?

Дракон крепко спал.

За завтраком мама Валгалларама спросила сына:

— Как прошло вчерашнее Посвящение сынок?

— Хорошо, мама. Я поймал дракона, — ответил Иккинг.

— Молодец, сынок, — сказала Валгалларама.

Стоик Обширный оторвался от своей миски и прогудел:

— ОТЛИЧНО, ОТЛИЧНО! — И снова вернулся к важному делу — запихиванию еды себе в рот.

После завтрака Иккинг присел на крылечке рядом с дедушкой. Тот вышел на свежий воздух выкурить трубку. Стояло чудесное, ясное, холодное зимнее утро. Ни одно дуновение ветерка не тревожило ровную, как стекло, морскую гладь.

Старый Сморчок с довольным видом пускал кольца и любовался на восходящее солнце.

Иккинг дрожал от холода и лениво бросал камушки в папоротник. Довольно долго и дедушка, и внук сидели молча.

Наконец Иккинг сказал:

— Я поймал дракона.

— А я что говорил? Я и говорил, что поймаешь, — отозвался Старый Сморчок, весьма довольный собой. На старости лет Сморчок пристрастился пророчествовать, но чаще всего его предсказания не сбывались. Заглядывать в будущее — дело сложное. Поэтому он был рад, что наконец-то оказался прав.

— Ты говорил, что я поймаю необыкновенного дракона, — напомнил Иккинг. —

Потрясающего. Зверя, который выделит меня из толпы.

— Совершенно верно, — подтвердил Старый Сморчок. — Кофейная гуща определенно

говорила об этом.

— Понимаешь,

самое потрясающее в этом драконе, — пожаловался Иккинг, — это то, что он потрясающе МАЛ. В этом он действительно необычаен. И я с ним стал посмешищем.

— Ну надо же, — посочувствовал Старый Сморчок и простуженно захихикал над трубкой.

Иккинг посмотрел на него с укором, и старик поспешно замаскировал смех под кашель.

— Размер — понятие относительное, — сказал Старый Сморчок. — ВСЕ эти драконы — карлики по сравнению с настоящим Морским Драконом. НАСТОЯЩИЙ Морской Дракон в пятьдесят раз

больше этих задохликов. Настоящие Морские Драконы, какие водятся на дне океана, могут в один присест проглотить десять викингских кораблей, и не подавятся. Настоящий Морской Дракон — это таинственное, безжалостное чудовище, такое же, как и сам могучий океан. То он спокоен, как устрица, то разъяряется, как осьминог.

— Ну, у нас на Олухе нет настоящих Морских Драконов, — заметил Иккинг, — поэтому и сравнивать не с кем. Зато все видят, что мой дракон намного мельче остальных. Ты уходишь от темы.

— Неужели? — испугался Старый Сморчок.

— Речь о том, что я не знаю, как стать Героем, — мрачно сообщил ему Иккинг. — Из всего Племени Хулиганов я меньше всех похож на Героя.

— Ф-фух, ну и чокнутое же у нас Племя, — пыхнул трубкой Старый Сморчок. — Ну ладно, положим, ты не создан Прирожденным Героем. Ты не такой большой и крутой, как Сопляк, ты не умеешь вести за собой людей. Значит, тебе придется над этим поработать, только и всего. Тебе предстоит пройти Трудный Путь и СТАТЬ Героем. К тому же, может быть, нашему Племени как раз пойдет на пользу смена стиля руководства. Видишь ли, времена меняются. Сейчас уже недостаточно быть крупнее и свирепее всех на свете. ВООБРАЖЕНИЕ — вот чего им всем не хватает, У тебя оно есть. Настоящий Герой Будущего должен быть умным и хитрым человеком, а не просто сгустком раздутых мускулов. Герой должен сделать так, чтобы люди перестали ссориться между собой и научились встречать врага сплоченно.

— Но я не умею никого заставлять, — пожаловался Иккинг. — Меня уже прозвали ИККИНГОМ НИКЧЕМНЫМ. Малоподходящее прозвище для Вождя.

— Тебе надо учиться видеть картину в целом, — продолжал Старый Сморчок, будто и не слыша внука. — Тебе дают глупые прозвища. У тебя ничего не получается в Бей-боле. Ну и что? Эти проблемы — мелкие песчинки в великом ходе событий.

— Хорошо тебе говорить о мелких песчинках, — обиделся Иккинг, — Но у меня таких проблем — целая КУЧА! Мне нужно выдрессировать своего микроскопического дракона к Торovu Вторнику, иначе меня навсегда вышвырнут из Племени Лохматых Хулиганов.

— Ах да, — задумчиво проговорил Старый Сморчок — Кажется, на эту тему есть неплохая книжка. Напомни-ка мне, что говорит о дрессировке драконов этот профессор из Остолопского Университета?

— Он говорит, что на драконов нужно орать, — мрачно сказал Иккинг и принялся снова кидать камушки. — Типа, пустить в ход силу своей личности и показать проклятому зверю, кто

здесь Хозяин. А у моей личности столько же силы, сколько у задушенной медузы, и орать я тоже не мастак. Даже в этом я никудышный.

— М-да-а, — протянул Старый Сморчок. — Наверно, тебе придется дрессировать дракона Трудным Способом. Сдается мне, ты немало знаешь о драконах, верно, Иккинг? Ты же столько лет за ними наблюдал.

— Это секрет, — ответил Иккинг, поежившись.

— Я сам слышал, как ты с ними разговаривал, — продолжал Старый Сморчок.

— НЕПРАВДА, — сказал Иккинг и покраснел.

— Ладно, ладно, — успокоил его Старый Сморчок. — Неправда так неправда.

Некоторое время они сидели молча.

— Это правда, — наконец сказал Иккинг — Но, ради Тора, не говори никому, они не поймут...

— Разговаривать с драконами — умение очень необычное, — заметил Старый Сморчок. — Это дано далеко не каждому. Может быть, ты лучше вы дрессируешь дракона, если будешь с ним разговаривать, а не орать на него.

— Легко сказать, — вздохнул Иккинг. — Мысль очень трогательная. Но, понимаешь ли, дракон — не мягкая пушистая зверушка вроде собаки, кошки или пони. Дракон не станет выполнять твоих просьб, даже если очень вежливо сказать ему «пожалуйста». Насколько я знаю драконов, мне кажется, лучше все-таки орать...

— Но у этого метода есть свои недостатки, верно? — сказал Старый Сморчок. — Метод оранья высокоэффективен с драконами не больше морского льва. И самоубийственен, если ты опробуешь его на существе покрупнее. Может быть, ты предложишь альтернативные системы дрессировки? Ты сумел бы многое добавить к книге профессора Дряблинга. Мне давно казалось, что этой книге чего-то недостает... Только вот не могу в точности понять, чего именно...

— СЛОВ, — ответил Иккинг. — В эту книгу неплохо было бы добавить немного слов.

6. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ГЛУБИНАХ ОКЕАНА...

А тем временем в темных глубинах океана, не слишком далеко от острова Олух, на морском дне лежал и спал настоящий Морской Дракон — точь-в-точь такой, какого описывал Старый Сморчок.

Дракон был неопишимо велик. Лежал он на этом месте так долго, что, казалось, совсем сросся с океанским дном и превратился в подводную гору, обросшую ракушками. Его конечности наполовину занесло песком. Поколение за поколением в ушах Дракона рождались и умирали раки-отшельники, Спал он сотни и сотни лет, потому что перед сном хорошо пообедал. Ему посчастливилось поймать целый легион римских воинов, устроивших привал над береговым обрывом. Он отрезал им все пути к бегству и целый день с наслаждением охотился, пока не переловил всех — от главнокомандующего до последнего пехотинца. В его прожорливую крокодилью глотку провалилось всё — лошади, колесницы, щиты, копья...

И, хотя крупные деревянные предметы, такие, например, как золоченые колеса повозок,

являются в рационе драконов дополнительным источником витаминов, всё же для их переваривания требуется время.

Вот Дракон и опустился в темные глубины океана и впал в Сонную Кому. В таком состоянии — ни живы, ни мертвы — погребенные под многометровой толщей холодной морской воды драконы могут находиться целую вечность. Ни один мускул нашего Дракона не дрогнул на протяжении шести или семи столетий.

Но на прошлой неделе один лихой кит-косатка, в погоне за морскими львами забравшийся слишком глубоко, вдруг заметил, что верхнее веко правого глаза Дракона слегка дрогнуло. В мозгу кита ожила наследственная память предков, и он со всех плавников ринулся наутек. А спустя неделю море вокруг Драконьей Горы, когда-то кишевшее омарами, крабами и бесчисленными косяками рыбы, превратилось в подводную пустыню. Ни один моллюск на склонах горы не шевелился, ни одна жемчужница не отваживалась приоткрыть свою раковину.

Единственным признаком жизни на многие мили вокруг было подергивание драконьих век, которые трепетали вверх-вниз, как будто Дракон был близок к пробуждению и сейчас досматривал свои последние драконьи сны — и кто знает, какие черные мысли приходили ему в голову...

7. БЕЗЗУБИК ПРОСЫПАЕТСЯ

Беззубик проснулся через три недели.

В этот день Рыбьенег и Иккинг сидели у Иккинга дома.

Больше дома никого не было, поэтому Иккинг решил воспользоваться случаем и посмотреть на Беззубика.

Он вытащил корзину из-под кровати. Из-под крышки выбивалась голубовато-серая струйка дыма.

Рыбьенег аж присвистнул.

— Смотри-ка, кажись, проснулся, — сказал он. — Открывай.

Иккинг осторожно снял крышку.

Оттуда повалил дым, такой густой и вонючий, что мальчишки закашлялись. Когда глаза перестали наконец слезиться, Иккинг разглядел очень маленького и очень заурядного дракончика. Тот сидел на дне корзины и смотрел на Иккинга огромными, наивными, травянисто-зелеными глазками.

—

Привет, Беззубик, — сказал Иккинг на драконьем наречии, следя за правильным произношением. Дело в том, что драконья речь перемежается резкими криками, щелчками и другими звуками, которые человек воспроизводит с большим трудом[1].

— Ты что это делаешь? — с любопытством спросил Рыбьенег.

— Просто разговариваю с ним, вот и всё, — смущенно ответил Иккинг.

— Просто

разговариваешь ? — изумленно ахнул Рыбьенег. — Что значит,

разговариваешь ? С драконом нельзя говорить, он же ЖИВОТНОЕ, клянусь Тором!

— Да заткнись ты, Рыбьенег, — отмахнулся от него Иккинг. — Ты его напугаешь.

Беззубик запыхтел и выпустил еще несколько колец дыма. Он раздул шею, чтобы казаться больше, — так иногда делают драконы, когда они испуганы или сердятся.

Наконец он набрался храбрости, расправил крылья и вспорхнул Иккингу на руку.

Поднялся по ней от локтя до плеча и, дождавшись, когда мальчик повернется к нему лицом, прижался лбом ко лбу Иккинга и серьезно, торжественно заглянул ему в глаза. Так они и стояли, нос к носу, не шевелясь, около шестидесяти секунд. Иккингу приходилось часто моргать, потому что взгляд драконов обладает гипнотической силой, и вам кажется, будто дракон вытягивает из вас душу. А это неприятно.

Иккинг стоял и думал: «Вот это да! Я, кажется, вошел с ним в контакт!», и тут Беззубик изогнулся и цапнул его за руку.

Иккинг завопил и стряхнул Беззубика на пол.

—

Р'ры-рыба! — пищал Беззубик, порхая в воздухе над Иккингом. —

Р'ры-рыбы х'хохоч'чу с'ч'ча-час!

—

Нету у меня рыбы, — ответил Иккинг по-драконьи, потирая руку. К счастью, у Беззубика не было зубов, однако челюсти у драконов (даже таких маленьких) мощные, и укус получился болезненным. Беззубик изловчился и укусил Иккинга за другую руку.

—

Р'ры-рыбы! — сказал он.

— Ты цел? — спросил Рыбьенег. — Мне трудно поверить, что я об этом спрашиваю, но всё-таки — что он говорит?

— Жрать хочет, — хмуро ответил Иккинг, потирая уже обе руки. Он старался говорить твердо, но спокойно: подавить дракона силой своей личности, как советовал Брехун. —

У нас нет рыбы!

—

Ладно, — ответил Беззубик. —

Тогда с'съем к'ко-кошку. Он спикировал на Игрунку, и та с воплем метнулась вверх по ближайшей стене.

Иккинг едва успел ухватить Беззубика за хвост. Дракон вырывался и орал:

—

Х'хочу р'ры-ы-ы-бы! Х'хочу е-е-есть! Ккошки в'вку-у-усные! Х'хочу е-е-есть!

—

Нету у нас рыбы, — повторил Иккинг сквозь зубы, чувствуя, как спокойствие постепенно улетучивается. —

Кошку есть нельзя, потому что она нравится маме.

Игрунка оскорбленно мяукала, сидя на балке под потолком.

Ребята отнесли Беззубика в комнату Стоика, где водилось много мышей.

Сначала дракончик радостно гонялся за мышами, которые разбежались от него с испуганным писком, но потом ему это наскучило, и он атаковал матрац. Во все стороны полетели перья.

—

Прекрати! — завопил Иккинг.

В ответ Беззубик отрыгнул остатки недавно почившей мыши прямо на Стоикову подушку.

— А-а-а-а-а! — простонал Иккинг.

— А-А-А-А-А! — сказал Стоик Обширный, входя в комнату.

Беззубик ринулся на Стоикову бороду, приняв ее за цыпленка.

— Убери его! — приказал Стоик.

— Он меня не слушается, — пожаловался Иккинг.

— Заори на него ПОГРОМЧЕ, — посоветовал Стоик. — КАК МОЖНО ГРОМЧЕ.

Иккинг заорал во весь голос:

—

Пожалуйста, прекрати грызть папину бороду!

Как Иккинг и подозревал, Беззубик не обратил на него ни малейшего внимания.

«НИКУДА я не гожусь, — хмуро подумал Иккинг. — Даже орать толком не умею».

— А НУ ОТПУСТИ МОЮ БОРОДУ И ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ ГНУСНАЯ РЕПТИЛИЯ! — заорал Стоик Обширный.

Беззубик послушно отвалился и шлепнулся на пол.

— Видишь? — сказал Стоик. — Вот как надо обращаться с драконами.

В комнату, шлепая лапами, вползли Головотяп и Крючкозуб — охотничьи драконы Стоика. Беззубик замер. Драконы обошли его кругом, злобно посверкивая желтыми глазами. Каждый из них был ростом с леопарда, и они обрадовались прибытию новичка, как пара гигантских боевых котов радуются появлению маленького беззащитного котенка.

—

Приветствуем тебя, огнедышащий брат, — прошипел Головотяп, обнюхивая сидящего на

полу незнакомца.

—

Терпение, мой друг, — угрожающе промурлыкал Крючкозуб. —

Вот останемся одни — и тогда окажем нашему новому приятелю достойную встречу. — Он слегка наподдал Беззубика лапой. Коготь величиной с кухонный нож полоснул Беззубика по спине. Дракончик взвыл, прыгнул на Иккинга и в мгновение ока забрался ему под рубашку. И секунды не прошло, как из воротника рубашки торчал только зеленоватый хвост.

— КРЮЧКОЗУБ! — взревел Стоик

—

Коготь соскользнул, — посетовал Крючкозуб.

— А НУ БРЫСЬ ОТСЮДА А ТО Я ИЗ ВАС СУМКИ СОШЬЮ! — завопил Стоик, и Головотяп с Крючкозубом неторопливо уползли, бормоча себе под нос самые страшные драконьи ругательства.

— ВОТ как надо обращаться с драконами, — повторил Стоик.

Затем могучий Вождь с не характерной для него тревожностью всмотрелся в выглядывающего из-под Иккинговой рубашки Беззубика.

— Сынок, — спросил Стоик, надеясь, что ошибся. — Этот дракон — твой?

— Да, папа, — признался Иккинг.

— Но он очень... как бы это сказать... МАЛЕНЬКИЙ, что ли, — медленно произнес Стоик.

Стоик Обширный не отличался наблюдательностью, но даже

он не мог не заметить, что дракончик и впрямь был

на удивление мал.

— ...и у него совсем нет зубов.

Наступило неловкое молчание.

На помощь Иккингу пришел Рыбьеног.

— Этот дракон — необычной породы, — пояснил он. — Уникальный и... крайне свирепый вид под названием Беззубый Дрём, дальний родственник Ужасного Чудовища, но во много раз превосходящий его в жестокости. Они необычайно редки, почти вымерли.

— Правда? — Стоик с сомнением оглядел Беззубого Дрёма. — А на первый взгляд похож на Простого Садового.

— Простите, Вождь, но при всем уважении к вам, Вождь, — возразил Рыбьеног, — вы ОШИБАЕТЕСЬ. Неопытному глазу (равно как и своим жертвам) этот дракон кажется

как две капли воды похожим на Простого Садового. Но, всмотревшись внимательно, вы разглядите характерные черты Беззубого Дрёма, — Рыбьеног ткнул пальцем в бородавку на

носу у Беззубика. — Эти черты и отличают его от обычных пород.

— Клянусь Тором, ты прав! — согласился Стоик.

— Кроме того, это

не совсем обычный Беззубый Дрём. — Рыбьенога понесло. — Этот дракон —
КОРОЛЕВСКОМ КРОВИ!

— О, нет! — воскликнул потрясенный Стоик. Он был ужасным снобом.

— Да, — торжественно подтвердил Рыбьеног. — Вашему сыну посчастливилось похитить отпрыска самого Короля Скалозуба, пресмыкающегося владыки Обрыва Дикого Дракона. На заре жизни Королевские Дрёмы бывают очень малы, но затем вырастают до ВПЕЧАТЛЯЮЩИХ, я бы даже сказал, ГАРГАНТЮАНСКИХ размеров.

— Ну, прямо как ты, Иккинг, — оглушительно расхохотался Стоик и взъерошил сыну волосы.

В животе у Стоика послышался глухой рокот, похожий на гул далекого землетрясения.

— Пора перекусить. Приберитесь тут, ребяташки, ладно?

Стоик Обширный удалился, радуясь восстановленной вере в сына.

— Спасибо, Рыбьеног, — поблагодарил друга Иккинг. — На тебя прям вдохновение нашло.

— Не совсем, — сказал Рыбьеног, — Просто у меня перед тобой должок за ту драку с Сопляком.

— Рано или поздно папа всё равно узнает правду, — мрачно вздохнул Иккинг.

— Не обязательно, — возразил Рыбьеног. — Посмотрел бы ты на себя со стороны, когда говорил тут с этим Беззубым Дрёмом. Зрелище было НЕВЕРОЯТНОЕ, ФАНТАСТИЧЕСКОЕ! Я ничего подобного в жизни не видел! Ты его в два счета выдрессируешь!

— Говорить-то я с ним говорил, — вздохнул Иккинг, — только он меня не слушал, ***

В тот вечер, ложась спать, Иккинг побоялся оставлять Беззубика у камина вместе с Головотяпом и Крючкозубом.

— Можно, я возьму его с собой? — спросил он у отца.

— Дракон — рабочая скотина, — ответил Стоик Обширный. — Будешь с ним цацкаться — у него вся свирепость пропадет.

— Но если я оставлю его у очага, Головотяп его убьет.

Головотяп утвердительно хрюкнул.

—

С превеликим удовольствием, — прошипел он.

— Ерунда, — прогудел Стоик. Он не говорил по-драконы и поэтому не понял последних слов Головотяпа. — Головотяпчику просто хочется поиграть. Юным драконам полезно немного порезвиться. Это учит их постоять за себя. — И он ласково потрепал своего дракона по рогам.

Крючкозуб выпустил когти, длинные, как складные ножи, и побарабанил ими по каминной полке.

Иккинг сделал вид, что желает Беззубику доброй ночи, а сам потихоньку спрятал дракончика под рубашкой и вынес в спальню.

—

Сиди тихо, как мышка. Ни звука, — сурово приказал он Беззубику, забравшись в кровать, и дракончик с готовностью кивнул.

По правде сказать, всю ночь дракон довольно громко храпел, но Иккинг этого не замечал. Почти всю зиму на острове Олух мальчишки проводят на разных стадиях замерзания — от «озяб немножко» до «продрог до костей». Те, кто укрываются несколькими одеялами, считаются хлюпиками, поэтому обычно Иккинг ворочался без сна пару часов и только потом, стуча зубами, с трудом засыпал.

Но сейчас Иккинг вытянул ноги вдоль Беззубиковой спины и с наслаждением почувствовал, как от маленького дракончика исходят волны тепла. Эти волны медленно прокатились по его, Иккинга, ногам, согрели озябший живот и сердце, добрались даже до головы, которая

толком не оттаивала уже почти шесть месяцев. Даже уши радостно запыхали. В ту ночь Иккинг спал так крепко, что разбудить его смог бы только храп шести здоровенных настоящих Морских Драконов.

8. ПРИРУЧЕНИЕ ДРАКОНА ТРУДНЫМ СПОСОБОМ

Иккинг имел некоторое представление о драконах и был твердо уверен, что самый легкий метод дрессировки — это орать на них. Поэтому на протяжении первых двух недель он пытался орать на Беззубика и всё ждал, когда дракончик начнет дрессироваться.

Орал Иккинг громко, твердо и строго.

Напускал на себя свирепый вид.

Но Беззубик наотрез отказывался принимать его всерьез.

В конце концов Иккинг прекратил орать. Это случилось в тот день, когда утром за завтраком Беззубик стащил у него с тарелки копченую селедку. Иккинг заорал на него так свирепо и грозно, как только мог, а Беззубик в ответ лишь злобно стрельнул глазом и одним взмахом хвоста смахнул на пол всю посуду.

«Вот и доорался», — подумал Иккинг.

— Ладно, — сказал он. — Переидем к другой крайности.

И стал с Беззубиком вежлив и мил. Выделил его самое удобное место на кровати, а сам с риском для жизни балансировал на краю.

Он до отвала кормил Беззубика копченой селедкой и омарами. Однако после первого же раза прекратил эти эксперименты, поскольку маленький дракончик набивал брюхо, не переставая, пока его не стошнило.

Иккинг часами играл с дракончиком в самые разные игры. Пел ему песенки, приносил мышей

на обед, чесал спинку между зубцами, там, куда Беззубик не мог дотянуться.

Одним словом, изо всех сил старался, чтобы Беззубик почувствовал себя на драконьем седьмом небе. ***

В середине февраля зима на Олухе подошла к концу, снежный сезон сменился дождливым. В такую погоду одежда никогда не просыхает, сколько ни старайся. Каждый вечер перед сном Иккинг вешал рубашку на стул перед очагом, а наутро она

все равно была мокрая — пусть не холодная и мокрая, а всего лишь теплая и мокрая, но, тем не менее, всё-таки МОКРАЯ.

Земля вокруг деревни превратилась в слякоть глубиной по колено.

— Скажи, ради Одина, что это ты затеял? — спросил Рыбьенег, когда застал Иккинга за странным занятием: тот копал глубокую яму прямо у стены своего дома.

— Строю для Беззубика грязевую ванну, — пропыхтел Иккинг.

— Избалуеть ты этого дракона, — проворчал Рыбьенег, укоризненно качая головой.

— Понимаешь, всё дело в психологии, — пояснил Иккинг. — Надо вести себя умно и тонко, а не орать на дракона, как пещерные люди. Как ты орешь на свою Страхкорову.

Рыбьенег назвал свою дракониху Страхкоровой. Слово «страх» (как вы сами понимаете) должно было хоть немножко внушать страх перед этим существом. А «корова» он добавил потому, что она и

впрямь походила на корову. Большая, миролюбивая и добродушная. Рыбьенег даже подозревал, что она вегетарианка.

— Вечно она норовит погрызть что-нибудь деревянное, — жаловался он, — КРОВЬ, Страхкорова, КРОВЬ — вот чего ты должна жаждать!

Трудно сказать — может, Рыбьенег умел орать

лучше, чем Иккинг, а может, Страхкорова по натуре была ленивее и податливее, чем Беззубик, но только дрессировать дракониху методом орангута оказалось не так уж трудно.

—

Вот, Беззубик, готово, — сказал наконец Иккинг. —

Залезай, искупайся.

Беззубик оторвался от ловли мышей и плюхнулся в лужу. Он расправил крылья и, радостно визжа, с наслаждением бултыхался в липкой жиже.

— Рано или поздно между нами установится связь, — объяснил Иккинг, — и тогда он охотно сделает всё, что я скажу.

— Ты уверен? — с сомнением проговорил Рыбьенег, глядя, как Беззубик набрал полную пасть грязи и выплюнул ее Иккингу в лицо. — Я мало чего смыслю в драконах, но твердо знаю: это самые эгоистичные существа на Земле. Ни один дракон не станет делать то, что ты хочешь, из чувства благодарности. Драконам благодарность неведома. Так что брось ты свою затею. Все равно НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ.

—

М'мы, д'дра-а-аконь, в'всегда с'стои-и-и-м сами за се-е-ебя, — заявил Беззубик. —

М'мы п'прир'рожде-е-енные победители! Не т'то что с'слаща-а-авые кошки или г'глу-у-упые псы, которые по уши влюбляются в хозяина. Ес'если мы и с'сделаем что-то д'для челове-е-ека, то то-то-только потому, что он сильнее нас и дает нам еду.

— Что он говорит? — спросил Рыбьенг.

— Примерно то же, что и ты, — сказал Иккинг.

—

Ни-Ни-Никогда не д'доверяй д'драконам! — радостно заявил Беззубик, вылез из лужи и подкрепился моллюском-береговичком, которого поймал для него Иккинг. (Беззубик очень любил береговичков —

«От них в'в но-о-осу щ'ще-ще-щечокет», — говорил он.) —

Т'так меня учила мама, а она все знает.

Иккинг вздохнул. Так оно и есть. Беззубик на вид такая лапочка, и товарищ неплохой — разве что немного капризный. Однако стоило только взглянуть в его большие, невинные глаза, опущенные густыми ресницами, и становилось ясно — мораль ему неведома. Такими глазами испокон веков славятся убийцы. Не верите — позовите к себе в друзья крокодила или акулу.

Иккинг вытер грязь с лица.

— Надо придумать что-нибудь еще, — вздохнул он. ***

Февраль сменился мартом, а Иккинг всё еще думал. Несколько чахлых цветочков опрометчиво высунули головки из-под земли и были тотчас же уничтожены морозом, ударившим специально ради этого.

Рыбьенг выучил Стражкову «лететь» и «сидеть» по команде. А Иккинг до сих пор безуспешно учил Беззубика хорошим манерам.

—

Нельзя какать в кухне, — в тысячный раз говорил Иккинг, вынося Беззубика на улицу после очередного конфуза.

—

Но в'в к'ку-ку-кухне теплее, — жалобно скулил Беззубик.

—

Но какать надо снаружи и ты это знаешь, — говорил Иккинг, теряя терпение.

Беззубик тут же пачкал Иккинговы руки и рубашку.

—

Я снаружи, я снаружи, я снаружи, — радостно чирикал дракончик.

И как раз в этот самый злосчастный момент, как назло (всё самое неприятное, как известно, всегда происходит назло), мимо дома Стоика Обширного проходили Сопляк и Песьедух. Они, не торопясь, возвращались с пляжа, неся на плечах своих драконов.

— Вот это да, — захохотал Сопляк. — Да это же НИКЧЕМНЫЙ, с ног до головы в драконьем дерьме! Тебе очень идет!

— Ух, ух, ух, — зафыркал Песьедух.

—

Это не дракон, — осклабился Слизняк, дракон Песьедуха, на редкость уродливый Громмель с курносой мордой и злобным нравом. —

Это головастик с крылышками. —

Это не дракон, — вторила ему Огневица, дракониха Сопляка, столь же задиристая, как и ее хозяин. —

Это жалкий новорожденный крольчонок, страдающий недержанием! Беззубик обиженно фыркнул.

Сопляк продемонстрировал Иккингу внушительную охапку рыбы, завернутую в плащ.

— Смотри, сколько Огневица со Слизняком наловили на пляже! И всего за пару часов!

Огневица смущенно кашлянула, поиграла блестящими мускулами и с напускной скромностью уставилась на свои когти.

—

О, прошу вас, — застеснялась она. —

Я даже не старалась. Если бы я захотела, то одним левым крылом наловила бы столько же за десять минут!

—

Извини, но я сейчас не сдержусь, — пробормотал Беззубик, обращаясь к Страхкорове, которая укоризненно взирала на Огневицу большими карими глазами.

— Моя Огневица станет ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕГЕНДОЙ, — ухмыльнулся Сопляк. — Я слышал, твоя Страхкорова предпочитает морковь... Слушай, Иккинг, хватит ли у твоего Беззубого Чуда духу, чтобы напасть на овощ? Морковка, правда, жестковата, ему не по зубам, но, может быть, он справится с перезрелым огурцом... Время от времени можешь подкармливать его сеном...

— УХ, УХ, УХ, — Песьедух захохотал так громко, что у него из носа вылетела сопля.

— Осторожнее, Песьедух, — вежливо предупредил Рыбьенег. — А то мозги вытекут.

Песьедух толкнул Рыбьенога и вместе с Сопляком вальяжно зашагал прочь. Огневица спикировала на Беззубика и чуть не выклевала ему глаз.

Когда они отошли подальше и уже не могли ничего услышать, Беззубик вспорхнул с руки Иккинга и грозно извергнул маленький язычок пламени.

—

Задирь! Труссы! А ну подойдите поближе и Беззубик разорвет вас в клочки! Поджарит на медленном огне! Вырвет вам кишки! Беззубик... Беззубик... Беззубик... в общем, лучше не подходите, а то...

—
Да, Беззубик, ты очень храбр, — саркастически заметил Иккинг. —

Если закричишь погромче, может быть, они тебя даже услышат.

9. СТРАХ, ТЩЕСЛАВИЕ, ЖАЖДА МЕСТИ И АНЕКДОТЫ

Тем временем март сменился апрелем, а апрель плавно перетек в май. После того, как Огневица обозвала его новорожденным крольчонком, Беззубик больше ни разу не пачкал в кухне. Но больше никаких видимых успехов в дрессировке Иккинг добиться не смог.

Дожди всё еще шли, но стали теплыми. Ветер всё еще задувал, но уже не такой яростный. Под его порывами уже почти можно было стоять прямо.

Среди скал из яиц вылуплялись чайчьи птенцы, и их родители-чайки свирепо пикировали на Иккинга и Рыбьенога, которые пришли на Длинный Пляж дрессировать своих драконов.

— УБЕЙ, Страх корова, УБЕЙ, — говорил Рыбьеног своей драконихе, спокойно восседавшей у него на плече. — СОЖРИ на завтрак эту Черноспинную Чайку, она на целый пополам мельче тебя! Нет, Иккинг, честное слово, я не знаю, что делать, я никогда не пройду охотничью часть Испытания. У Страхкоровы напрочь отсутствуют убийственные инстинкты. В дикой природе ей ни за что не выжить.

Иккинг невесело рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что у ТЕБЯ ничего не получается? Что же говорить обо мне! У нас с Беззубиком вообще ничего не выходит. Он не может понять самых простых команд — не слушается, не возвращается, не делает обязательных упражнений, не охотится. Ничего не делает!

— Неужто

совсем ничего? — удивился Рыбьеног.

— Сам посмотри, — ответил Иккинг. Мальчишки отошли чуть подальше, туда, куда не долетали чайки.

Там они принялись обучать своих драконов самой простой команде: «Лети». Дракону полагалось сидеть строго вертикально на вытянутой руке хозяина. Затем хозяин как можно громче выкрикивал команду и одновременно поднимал руку, запуская дракона в воздух. Дракон должен был грациозно воспарить в воздух, когда рука достигала высшей точки взмаха.

Страхкорова зевнула, почесалась и нехотя спорхнула с руки, что-то ворча себе под нос.

Беззубик оказался и того непослушнее,

—

Лети! — заорал Иккинг и взмахнул рукой. Беззубик не шелохнулся.

—

Я сказал — лети! — раздраженно повторил Иккинг.

—

З'зачем? — спросил Беззубик, еще крепче вцепившись когтями в хозяйскую руку.

—

Лети — и все! ЛЕТИ, ЛЕТИ, ЛЕТИ, ЛЕТИ! — вопил Иккинг, яростно размахивая рукой. Но Беззубик цеплялся за руку, как за свою драгоценную жизнь.

Короче, никуда Беззубик не полетел.

—

Беззубик, — рассудительно сказал ему Иккинг. —

Взлети, пожалуйста. Если ты не будешь взлетать по моей команде, нас обоих прогонят из Племени.

—

Но я н'н-не-не хочу, — не менее рассудительно возразил Беззубик.

Рыбьеог взирал на эти переговоры с благоговейным ужасом.

— Да, у тебя и

впрямь получается неважно, — дрожащим голосом заметил он.

— Угу, — подтвердил Иккинг. Ему, наконец, удалось разжать когти Беззубика, когда тот на миг ослабил хватку, и стряхнуть дракончика с руки. Тот с обиженным криком шлепнулся на песок и тотчас же накинулся на Иккингову ногу: ухватился когтями за сандалии и обвил крыльями лодыжку.

—

Н'не-не полечу, — пищал дракон.

— Хуже не придумаешь, — подытожил Иккинг. — Придется испробовать новую тактику.

Он достал блокнот, в который на всякий случай (вдруг пригодится) записывал всякие мудрые вещи, которые узнавал о драконах.

— МОТИВАЦИЯ ДРАКОНОВ, — прочитал Иккинг вслух. — Первое. БЛАГОДАРНОСТЬ. — Иккинг издохнул. — Второе. СТРАХ. Помогает, но у меня не получается его напугать. Три, четыре, пять, ЖАДНОСТЬ, ТЩЕСЛАВИЕ И ЖАЖДА МЕСТИ. Надо попробовать... Шестое. АНЕКДОТЫ И ЗАГАДКИ. Это на крайний случай.

— Знаешь, — протянул Рыбьеог, — я впервые в жизни согласен с Брехуном Крикливым. Может, тебе поорать на него погромче?

Иккинг пропустил его слова мимо ушей.

—

Ладно, Беззубик, — сказал Иккинг дракончику, который делал вид, будто уснул у него на ноге. — За каждую рыбу, которую ты мне поймашь, я дома дам тебе двух омаров.

Беззубик приоткрыл левый глаз.

—

Ж'жи-живых? — с надеждой спросил он. —

М`можно, Беззубик их убьет? Ну пож-ж'жалуйста! Только разочек!

—

Нет, Беззубик, — твердо сказал Иккинг. —

Я же сто раз тебе говорил — нельзя мучить тех, кто меньше и слабее тебя.

Беззубик закрыл глаз.

—

Т'ты та-такой з'з-за-нуда, — уныло проворчал он.

—

Бззубик, ты же умный, смелый дракон, — польстил ему Иккинг. — Ты, если захочешь, в Торев вторник сможешь наловить рыбы больше всех остальных.

Беззубик приоткрыл оба глаза и немножко подумал.

—

В'в д'два раза больше, — скромно уточнил он. —

Но я не х 'хо-хочу.

Возразить было нечего. Иккинг вычеркнул ТЩЕСЛАВИЕ из своего списка.

—

Помнишь ту большую красную дракониху — Огневицу, которая тебе нагрубила? — сделал очередную попытку Иккинг.

Беззубик оскорбленно сплюнул.

—

Об'бо-бозвала меня головастиком с крылышками. И еще ж'жа-жалким новорожденным крольчонком. Б'бе-беззу-зубик ее у-у-убьет. Беззубик ее з'за-за-зацарапает насмерть. Б'бе-беззубик ее...

—

Да, да, да, — торопливо подхватил Иккинг. —

Огневица и ее хозяин, тот, что похож на свинью, считают, что на празднике в Торев вторник она наловит больше всех рыбы. Только подумай, какой жалкий у нее будет вид, когда награду и звание Самого Многообещающего Дракона получит не она, а ты.

Беззубик оторвался от Иккинговой ноги.

—

Я об этом п'по-подумаю, — пообещал он. Отошел на пару шагов и впрямь задумался.

Прошло четыре минуты.

Беззубик думал.

Время от времени он тихонько хихикал, но, когда Иккинг спрашивал:

«Ну, как? Решил?» , отвечал:

«Я ещ'ще д'ду-думаю. Отстань».

Иккинг вздохнул и вычеркнул ЖАЖДУ МЕСТИ.

— Ну, как? — спросил Рыбьенг, заглядывая Иккингу через плечо. — Ты уже перепробовал всё остальное. Остаются только АНЕКДОТЫ И ЗАГАДКИ. Вот он, крайний случай.

—

Беззубик, — сказал Иккинг. —

Если ты поймашь мне хорошую большую макрель, то станешь самым умным и проворным драконом на Олухе, и еще эта Огневица будет по сравнению с тобой круглой дурой, и еще, когда вернемся домой, я до отвала накормлю тебя омарами, и еще я расскажу тебе ужасно смешной анекдот.

Дракончик оглянулся.

—

Б'бе-беззу-зубик любит анекдоты. — Он вспорхнул Иккингу на руку. —

Хорошо. Беззубик поможет. Но только не п'по-потому, что я стал хорошим. Н'ни-ничего подобного. И не д'ду-думай...

—

Нет, нет, — заверил его Иккинг, —

Я и не думаю.

—

М'мы-мы, д'дра-раконы, гнусные и жестокие твари. Но оч'че-чень любим анекдоты. Расскажи сейчас.

Иккинг расхохотался.

—

Ни за что. Только когда принесешь мне макрель. После.

—

Ладно, — согласился Беззубик и соскочил с Иккинговой руки.

Дракон на охоте — впечатляющее зрелище, даже если это тощий недоросток вроде Беззубика. Он пропорхал над пляжем, как всегда вихляясь и дергаясь на лету, и по дороге прокричал какие-то ругательства тем бакланам, которые казались мельче него. Но,

добравшись до моря, Беззубик словно подрос. Солёные морские брызги пробудили в нём наследственную память его предков — породистых чудовищ, великих охотников. Он распротер крылья, будто воздушный змей, и без единого взмаха довольно быстро полетел над беспокойным морем, высматривая, не мелькнет ли в волнах рыба. Вдруг он что-то заметил и принялся кругами подниматься вверх, пока не превратился в крохотную точку. Иккинг, оставшийся на пляже, задрал голову, но всё равно едва различал дракончика среди облаков. На мгновение Беззубик неподвижно завис в воздухе, а потом, сложив крылья, камнем ринулся вниз.

Он нырнул в воду и довольно долго не появлялся. Драконы, если захотят, могут оставаться под водой до пяти минут. Оказавшись в глубине, Беззубик совсем растерялся. Вокруг плавало так много рыбы! Он гонялся то за одной макрелью, то за другой и никак не мог решить, которая крупнее.

Иккингу стало скучно, и он принялся искать устриц, но тут из воды с победоносным видом выскочил Беззубик с небольшой макрелью в зубах.

Он бросил рыбку к ногам Иккинга, три раза перекувырнулся в воздухе и приземлился Иккингу на голову. Потом испустил торжествующий Драконий Клич, очень похожий на петушиное кукареканье, но только более громкое и самодовольное.

Беззубик наклонился вперед и, висая вверх тормашками, заглянул Иккингу в глаза.

—

Теперь р'ра-расскажи анекдот, — потребовал дракон.

—

Боги милостивые, — ахнул Иккинг —

Да у него получилось! Он поймал рыбу!

—

Р'ра-расскажи анекдот, — напомнил Беззубик.

—

Что такое — черно-белое и с ног до головы красное? — спросил Иккинг.

Беззубик не знал.

—

Пингвин, обгоревший на солнце, — ответил Иккинг.

Шутка была очень, очень старая, но до Обрыва Дикого Дракона она, видимо, не долетала. Беззубик хохотал до слез.

Он снова полетел ловить рыбу, чтобы услышать побольше анекдотов.

День выдался погожий. Дождь перестал, выглянуло солнышко, и Беззубик неплохо справлялся с охотой. Он принес несколько рыбин и лишь однажды на минуту отвлекся, погнавшись за кроликом, мелькнувшим среди скал. Но, как только Иккинг его окликнул, тут же вернулся и за пару часов наловил шесть среднего размера макрелей и даже одну небольшую акулку. В целом Иккинг остался доволен.

— В конце концов, — сказал он Рыбьеногу, — я и не рассчитываю, что он завоюет звание Самого Многообещающего Дракона. Надо только показать, что Беззубик меня слушается и умеет ловить рыбу. Мы, конечно, и в подметки не годимся Сопляку с его Охотничьей Легендой, зато пройдем Посвящение.

Мало того: когда Беззубик бросил к ногам Иккинга последнюю макрель, Рыбьеног заметил у дракокчика в пасти что-то острое и блестящее.

— Смотри-ка, у Беззубика вырос первый зуб! — воскликнул Рыбьеног.

Это казалось добрым предзнаменованием. ***

Когда мальчишки устало брели домой, по дороге им встретился Старый Сморчок. Оказывается, он уже пару часов сидел на камне и наблюдал за ними.

— Оч-чень впечатляет, — закашлялся старик, когда ребята показали ему охапку рыбы, завернутую в плащ Иккинга.

— Мы считаем, Иккинг всё-таки сумеет пройти Окончательное Посвящение в Торев Вторник, — радостно заявил Рыбьеног.

— Всё еще волнуешься об этом несчастном Посвящении, Иккинг? Неужели тебя волнуют такие пустяки? — спросил Старый Сморчок. — Есть вещи и поважнее. Например, в море назревает агро-мадный шторм. Он обрушится на нас дня через три.

— Как это — пустяки? — обиделся Рыбьеног. — Почему это вы называете наше Посвящение пустяками??? Торев Вторник — самый большой праздник в году. Там соберутся ВСЕ НА СВЕТЕ, и Лохматые Хулиганы, и Остолопы. К тому же, хоть ВАМ это и кажется неважным, но всякого, кто не пройдет это несчастное пустяковое Посвящение, навсегда изгоняют из Племена на съедение людоедам или другим чудовищам.

— Я назову себя ИККИНГ НЕЗАМЕНИМЫЙ, а моего дракона — ЗУБАСТИКОМ, — похвастался сияющий Иккинг. — Я это только что придумал, и мне нравится. Прозвища солидные, внушающие доверие, не слишком вычурные и без претензий.

— Этот пресмыкающийся наконец понял, чего от него хотят, и наловил кучу рыбы, — сказал Рыбьеног, показывая на Беззубика, который беспечно ковырял когтем в носу. — Иккинг всё-таки сумеет пройти Испытание (хоть это и кажется невероятным).

— Да, почти наверняка, — согласился Старый Сморчок и поглядел на Беззубика, который в эту минуту попытался свести глаза на кончике носа и при этом свалился с Иккингова плеча.

— Поч-ти, — задумчиво повторил Старый Сморчок.

И мальчишки пошли домой, а Беззубик плелся за ними и хныкал:

—

Ну понеси меня, ну понеси... возьми меня на ручки... это н'не-нечестно... у меня к'кры-рылышки болят...

10. ТОРОВ ВТОРНИК

Торев Вторник был воистину грандиозным праздником! Не желая упустить шанс столь круто

потусоваться, на остров Олух через Внутренний Океан приплыли даже Остолопы — непримиримые соперники Лохматых Хулиганов, обитатели соседних Остолопских Островов.

Гости расположились лагерем в Бухте Черного Сердца. За одну ночь этот пустынный берег, где раньше звучали лишь крики чаек, превратился в шумный палаточный городок. Палатки шились из старых парусов, которые так истрепались, что всё равно не годились для плавания.

На следующее утро, как грибы после дождя, вдоль всего Длинного Пляжа выросли палатки со всякими вкусностями; вокруг них кувыркались жонглеры, предсказывали судьбу гадалки, ходил (не пойми откуда взявшийся) дрессированный медведь... В веселой суматохе викинги встречали старых друзей, упражнялись на мечах, орали на детей, чтобы те перестали драться СЕЙЧАС ЖЕ, ради Тора, только попробуй не послушаться, в последний раз тебе говорю, а не то...НЕ ТО... НЕ ТО...

Пребывающие в праздничном настроении могучие мужчины-викинги расселись на жестких камнях, гогоча, как гигантские морские львы. Их дородные викингские дамы сбивались в кучки, кудахтая, как чайки, и одним глотком опорожняли целые кружки чаю.

Несмотря на мрачные предсказания Старого Сморчка, ужасные шторма и тайфуны обошли остров стороной. Стоял жаркий июньский день, над морем до самого горизонта не было видно ни единого облачка.

Последнее Испытание Торжественного Посвящения в Юные Герои должно было состояться только в два часа пополудни, поэтому всё утро Иккинг с широко распахнутыми глазами слушал пришлых сказителей, рассказывавших удивительные небылицы о Грязных Датчанах и Пиратских Принцессах.

От волнения Иккинг места себе не находил и поэтому не мог веселиться на празднике так же искренне, как веселился в прошлые годы.

Даже Брехун Крикливый, которого стошнило в самый ответственный момент состязания «Кто — съест больше чаячьих яиц за одну минуту?», сумел вызвать на его бледном от страха лице лишь слабое подобие улыбки.

Семья Иккинга расположилась на пикник неподалеку от площадки для Показательного Боя на Топорах. Иккинг не мог проглотить ни кусочка, и Беззубик (как это ни странно!) тоже. Он капризничал и воротил нос от бутербродиков с тунцом, которые предлагала ему Валгалларама.

— Правильно, дракон перед охотой должен быть голодным и злым, — прогудел Стоик Обширный, пребывавший в прекрасном расположении духа. Он только что выиграл пари, поставив на Пучеглазика в конкурсе на Самого Безобразного Младенца, и теперь с нетерпением ждал блестящего выступления своего сына на Испытании.

Ближе к полудню неведомо откуда вдруг задул знойный ветер. В воздухе было всё еще жарко, но на горизонте начали собираться зловещие темные облака. Где-то вдалеке зарокотал гром.

Наверное, Старый Сморчок не ошибся, подумал Иккинг, глядя на небо. Громовержец Тор, как обычно, решил показаться народу в день своего праздника.

— Т-Р-Р-Р-У-У-У-М-М! Приглашаем всех юношей, намеревающихся в этом году стать полноправными воинами Племени, выстроиться с левой стороны пляжа.

Иккинг сглотнул подступивший к горлу комок, подхватил Беззубика и поднялся на ноги.

Вот оно!

Начинается... ***

Иккинг пришел на площадку одним из последних. Для Состязаний была отведена широкая полоса мокрого песка вдоль самого моря. Мальчишки из Племени Лохматых Хулиганов уже собрались, драконы парили в нескольких футах у них над головами. Все взволнованно болтали, и даже Сопляк, казалось, немного нервничал.

Мальчишки из Племени Безжалостных Остолопов и их драконы казались опасными противниками: рослые, крепкие, намного круче Хулиганов. Особенно выделялся здоровенный мрачный верзила лет пятнадцати на вид.

Иккинг решил, что это Бандюг, сын Вождя Остолопов — Пирамидона. На его плече громоздилось серебристо-серое Ужасное Чудовище футов трех в высоту. Дракон косился на Огневицу, как ротвейлер, задумавший недоброе.

Огневица напустила на себя беззаботный вид.

—

Настоящие аристократы никогда не скалят зубы, — нежно промурлыкала дракониха. —

Ты, должно быть, из беспородных Ужастиков. Мы, благородные дворяне зеленых кровей, потомки великого Потрошителя, ни за что не допустили бы такой грубости.

Серебристый Ужастик зарычал громче.

Возле ограничительной черты собралась толпа зрителей. Иккинг старался не замечать Стоика Обширного, который с криками: «Прочь с дороги! Я — ВОЖДЬ!» прокладывал себе путь в первые ряды.

— ДЕСЯТЬ ПРОТИВ ОДНОГО, ЧТО МОЙ СЫН НАЛОВИТ БОЛЬШЕ РЫБЫ, ЧЕМ ТВОЙ, — пророкотал Стоик, хорошенько ткнув в живот своего заклятого врага — Пирамидона, Вождя Племени Остолопов.

— А который из них твой сын? — спросил Пирамидон, прищурившись. — Тот, здоровый, как свинья, с ног до головы в скелетах и с красным Ужасным Чудовищем?

— А вот и нет, — радостно ответил Стоик. — Это сынишка моего брата Толстопуза. А МОЙ СЫН — вон тот, худенький, с Беззубым Дрёмом.

Губы Пирамидона расплзлись в широченной улыбке.

Он звонко хлопнул Стоика по спине и завопил:

— ПРИНИМАЮ ТВОЕ ПАРИ И УДВАИВАЮ ЕГО!

— ЗАМЕТАНО! — обрадовался Стоик, и два великих Вождя обменялись рукопожатиями и немного потыкали друг друга кулаками а животы. ***

Ответственным за финальный этап Испытаний был Брехун Крикливый. Он все еще был немного зеленоват после неудачи на состязании «Кто съест больше чайных яиц за одну минуту?», и это не улучшало его характера.

— А НУ, ПУГАЛЫ ОГОРОДНЫЕ! — заорал Брехун. — Вот сейчас мы посмотрим, из того ли вы сделаны теста, что и настоящие Герои-Викинги! Либо вы покинете арену полноправными воинами благородных Племен Лохматых Хулиганов и Безжалостных Остолопов, ЛИБО

навек отправитесь в позорное изгнание с Внутренних Островов. Интересный выбор, не правда ли?

И он издевательски ухмыльнулся выстроившимся перед ним двум десяткам мальчишек.

— Для начала я устраю смотр вам и вашим животным, как всегда устраиваю смотр воинам, идущим на битву. Я представлю вас достопочтенным зрителям из Племен, в которые вы надеетесь войти. Потом начнется Испытание. Вы продемонстрируете свое владычество над этими дикими тварями, которых вы должны были приручить одной только силой своих Героических Личностей. Для начала ваши драконы должны выполнить основные команды: «лететь», «стоять» и «апорт!». А под конец вы прикажете своим рептилиям наловить для вас рыбы, как делали задолго до вас ваши славные предки.

Иккинг нервно сглотнул.

— Мальчик и дракон, которые произведут наилучшее впечатление на судью, то есть на МЕНЯ, — Брехун самодовольно оскалился, — будут дополнительно вознаграждены званиями Героя Из Героев и Самого Многообещающего Дракона. Ну, а мальчики с драконами, которые НЕ СУМЕЮТ пройти это Испытание, навсегда распрощаются со своими семьями, покинут свои Племена и отправятся куда глаза глядят!

Брехун замолк.

— Как поэтично, — пробормотал Рыбьенег, достаточно громко, чтобы Брехун услышал.

Брехун зыркнул на Рыбьенога.

— ГЕРОИ ИЛИ ИЗГНАННИКИ! — проревел Брехун Крикливый.

— ГЕРОИ ИЛИ ИЗГНАННИКИ! — фанатично завопили в ответ восемнадцать мальчишек.

— ГЕРОИ ИЛИ ИЗГНАННИКИ! — завопили зрители из Племен Лохматых Хулиганов и Безжалостных Остолопов.

«О великий Тор, дай нам капельку героизма, хоть разочек, — подумали Иккинг и Рыбьенег. — Не надо нам никаких подвигов, только бы пройти это Испытание».

— ВСТАТЬ СМИРНО, ДРАКОНОВ НА ПРАВУЮ РУКУ! — проорал Брехун Крикливый.

Мальчишки вытянулись в струнку.

Брехун прошелся вдоль строя.

— Великолепная экипировка, — поздравил Брехун Бандюга Остолопа с его Ужасным приобретением. Дракон Убивец распростер свои сверкающие крылья, демонстрируя их размах — почти четыре фута.

Дойдя до Иккинга, Брехун остановился как вкопанный.

— А ЭТО еще ЧТО, во имя Одина?! — спросил он, слегка побелев.

— Это Беззубый Дрём, сэр, — пробормотал Иккинг.

— Маленький, но очень злобный, — пришел на помощь Рыбьенег.

— Беззубый Дрем? — взревел Брехун. — Да это самый мелкий из Простых Садовых драконов! За кого вы меня принимаете, за идиота?

— Нет, нет, сэр, что вы, сэр — поспешно заверил его Рыбьенег. — Только за чуть-чуть недоразвитого.

Брехун сверкнул на Рыбьенога единственным глазом.

— Беззубый Дрём, — пояснил Иккинг, — как две капли воды походит на Простого Садового, за исключением характерной бородавки на носу.

— МОЛЧАТЬ! — очень громким шепотом заорал Брехун. — А не то я зашвырну вас в самую глубь Материка. НАДЕЮСЬ, — продолжал он, — что в охоте этот дракон окажется лучше, чем на вид. Ты со своим рыбьим приятелем — самые худшие кандидаты в Герои, каких мне выпадало несчастье учить. Но тебе, Иккинг, принадлежит будущее Племени, и если ты опозоришь нас перед Остолопами, я лично никогда тебе этого не прощу. Усёк?

Иккинг кивнул.

Каждый мальчишка выходил на шаг вперед, кланялся и выставлял на всеобщее обозрение своего дракона. Зрители хлопали в ладоши.

Особенно громкими аплодисментами публика встретила Сопляка Мордворота и его Огневицу. По теплоте встречи с ним могли сравниться только Бандюг Остолоп и его Убивец.

— Последним (по списку, естественно, но никак не по значимости) представляю вам одного из главных участников. — Брехун Крикливый попытался вложить в свои вопли хоть капельку энтузиазма. — Страшный... грозный... ужасный... единственный сын Стоика Обширного... ИККИНГ НЕЗАМЕНИМЫЙ И ЕГО ДРАКОН ЗУБАСТИК!

Иккинг вышел вперед и приподнял Беззубика как можно выше, чтобы тот казался хоть чуточку покрупнее.

Наступило гробовое молчание.

Люди, конечно, и раньше видали маленьких дракончиков (обычно они сновали над полями и ловили мышей), но чтобы сын Вождя вышел на Посвящение с ТАКИМ крохой...

— РАЗМЕР — ЭТО НЕ ГЛАВНОЕ! — прогудел Стоик так громко, что его было слышно за несколько пляжей, и хлопнул в огромные ладоши, чтобы начать аплодисменты.

Все боялись взрывного характера Стоика Обширного и поэтому вежливо похлопали.

Беззубик всё еще пребывал не в настроении, однако ему было приятно оказаться в центре внимания. Он раздул грудь и торжественно раскланялся налево и направо.

Среди Остолопов слышались смешки,

«Я передумал, — подумал Иккинг, закрыв глаза. — Всё-таки ЭТО — самый худший миг в моей жизни».

—

Внимание, Беззубик, — прошептал он в маленькое драконье ушко. —

Настал наш великий день. Налови как можно больше рыбы, и я расскажу тебе столько анекдотов, сколько ты в жизни не слыхивал. И тогда это большая красная Огневица лопнет от злости.

Беззубик покосился на Огневицу. Она точила когти о шлем Сопляка и самодовольно ухмылялась ни минуты не сомневаясь, КОМУ достанется здание Самого Многообещающего

Дракона.

— Т-Р-Р-Р-У-У-У-М-М! — загудел рог.

Испытание началось! ***

В первых упражнениях на послушание Беззубик выступил не так уж плохо, хотя и нашел их ужасно скучными. Пошел сильный дождь, а дождя Беззубик терпеть не мог. Ему очень хотелось домой, свернуться клубочком у теплого очага.

Огневица и Убивец выполняли команды «лететь» и «апорт» по первому требованию своих хозяев, а на лету еще и пикировали и пыхали огнем — просто так, напоказ. Огневица исполнила несколько фигур высшего пилотажа, от чего публика восторженно завизжала и затопала ногами.

— ПРИСТУПИТЬ К ОХОТЕ! — заорал Брехун Крикливый.

Все драконы, кроме Беззубика, полетели в море.

А Беззубик вспорхнул к Иккингу на плечо.

—

У Б'бе-беззубика животик бо-бо, — заявил он.

Иккинг старался не смотреть на отца, который удивленно взирал на него с боковой линии. Старался не слышать, как в толпе перешептываются: «Вон там, смотрите, это сын Стоика. Да нет, не тот, высокий, с ног до головы в скелетах, похожий на свинью. А вон тот, маленький, тощий, который даже не может управиться с малюсеньким дракончиком».

—

Не забудь, Беззубик, — процедил Иккинг сквозь зубы. —

Рыба! И тогда я расскажу тебе все анекдоты, какие знаю, понял?

—

Р'ра-расскажи сейчас, — попросил Беззубик.

Помощь пришла с неожиданной стороны.

Сопляк на минутку перестал вопить «УБЕЙ, ОГНЕВИЦА, УБЕЙ!», склонился с высоты своего роста над Иккингом и фыркнул:

— Чем это ты занят, Иккинг? Неужто БОЛТАЕШЬ с этим жалким головастиком с крылышками? Разговаривать с драконами — это против правил, запрещено Стоиком Обширным, твоим дорогим папочкой...

—

Кто я? Г'го-головастик с крылышками? — обиделся Беззубик. —

Г'го-головастик с крылышками?

—

Ты ведь не головастик с крылышками, правда, Беззубик? — вкрадчиво сказал Иккинг. —

Ты самый лучший в мире охотник, разве не так?

—

Еще бы! — самодовольно хмыкнул Беззубик.

—

Тогда покажи этому Сопляку Мордвороту и его заносчивой драконше, на что способен настоящий охотник, — подзадорил его Иккинг.

—

Ладно уж, — согласился Беззубик.

И полетел, вихляясь, по направлению к морю. Иккинг облегченно вздохнул.

— Даже не верю в свое счастье, — сказал себе Иккинг десять минут спустя, когда Беззубик вернулся из второго полета, всем своим видом показывая, до чего ему наскучило это занятие. Но зато бросил к ногам Иккинга пару селедок — Через полчаса я, Иккинг, стану полноправным воином Племена Лохматых Хулиганов!

Рано он радовался. Огневица как раз вернулась к Сопляку с двадцатой рыбиной в зубах. В ее зеленых кошачьих глазах горел победоносный огонь, но тут Беззубик тихонько пробормотал себе под нос:

—

В'во-воображала хвост поджала.

Огневица застыла на лету. Ее голова повернулась, глаза угрожающе прищурились.

—

Что ты сказал? — прошипела дракониха.

—

Ох, только не это, — простонал Иккинг. —

Не надо, беззубик, прекрати...

—

В'во-воображала хвост поджала, — повторил Беззубик. —

Это все, на что ты способна? Невелики успехи. Н'не-не видать тебе награды к'ка-как своих ушей. Вы, У-у-уж'жастики, считаете себя крутыми, но на самом деле все вы ж'жа-жалкие моллюски.

—

А ты, — прошипела в ответ Огневица, прижав уши, как леопард, готовящийся к прыжку, — несносный вун.

—

А т'ты-ты, — спокойно парировал Беззубик, —

кроличья душонка, куриные мозги, цыплячья задница! З'за-задавака несчастная!

Огневица ринулась в бой.

Беззубик проворно, как молния, метнулся в сторону, и громадные челюсти Огневицы, не задев его, плотоядно щелкнули в воздухе.

В следующее мгновение разразился хаос.

Огневица окончательно вышла из себя. Она в ярости металась по воздуху, выставив когти, изрыгала пламя и кусала всех, кто попадался ей на пути.

К несчастью, на лету она случайно задела Убивца, а тот был скор на расправу. Убивец вспылил и принялся кусать всех подряд, не разбирая, кто прав, а кто виноват.

Вскоре все драконы сплелись в один рычащий, ощерившийся крыльями и хвостами клубок, а мальчишки безуспешно бегали вокруг, вопили и растаскивали их, стараясь не попасть под удар. Но драконы не обращали на них внимания, хоть мальчишки и орала во всю мочь — после особенно удачных воплей Бандюг и Сопляк покраснелись, как свекла.

Вдоль боковой линии метался разъяренный Брехун Крикливый.

— ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ РАДИ ТОРА И ОДИНА! ПРЕКРАТИТЕ СЕЙЧАС ЖЕ!

А Беззубик чувствовал себя как рыба в воде! Он ловко увертывался от свирепых выпадов Огневицы, то чувствительно покусывая Аллигатигра, то царапая мягкое брюхо Яркогтя. Видно было, что вся эта чудовищная неразбериха доставляет дракончику массу удовольствия.

Даже Страх корова продемонстрировала немалую храбрость для предположительной вегетарианки. Она изловчилась и цапнула за брюхо пролежавшую мимо Огневицу. А Огневица и Убивец, сплетаясь в единый клубок, кружились в воздухе и откусывали друг от друга большие куски.

Тут за дело взялся Брехун Крикливый. Он схватил Огневицу за хвост. Та возмущенно взвыла, задергалась и подпалила Брехуну бороду. Но Брехун одной могучей дланью загасил огонь, а другой сжал драконихе челюсти, так что она не могла ни кусаться, ни пыхать огнем. Потом он запихнул разъяренное животное под мышку.

— ПР-Р-Р-Р-РЕКРАТИ-И-И-ИТЬ! — заорал Брехун Крикливый, и от крика этого вырвало с корнем вековые дубы, поднялась пылевая буря, кровь у всех присутствующих застыла в жилах, волосы встали на головах дыбом, и зубы свело судорогой. Крик этот эхом прокатился по скалистым обрывам острова Олух, запрыгал по морским волнам и, говорят, был слышен даже на Материке!

Мальчишки прекратили свой бесполезный галдеж.

Драконы застыли в воздухе и попадали на мокрый песок.

Наступила зловещая тишина.

Даже толпа зрителей притихла.

Такого еще не бывало в истории Внутренних Островов! Все двадцать мальчишек на Испытании оказались не в силах справиться с собственными драконами!

Строгий закон гласил, что всех этих мальчишек следует изгнать из их Племен. А изгнание в этом суровом климате означало смерть. Еды не хватало, в море подстерегали ужасные

опасности, а кое-где на Островах водились дикие Племена, которые, по слухам, были людоедами...

Брехун Крикливый стоял, не находя слов; его борода всё еще дымилась.

Когда он, наконец, заговорил, его голос дрожал от ужаса перед сложившейся ситуацией.

— Я должен переговорить со Старейшинами Племен, — только и сказал он. И уронил Огневицу на землю. Та уже пришла в чувство и, виновато поджав хвост, потрусил к Сопляку.

Старейшинами Племен были Пирамидон, Стоик, сам Брехун и еще несколько менее грозных воинов: Очень Крепкий Орешек, Коварные Близнецы и Мятый Косматый Библиотекарь из Остолопской Публичной Библиотеки. Старейшины совещались, встав в кружок и сплетя руки в традиционной Стареишинской Стойке, чем-то похожей на драку за мяч при игре в регби. Зрители и мальчишки молча ждали приговора.

А тем временем шторм всё усиливался. В небе грохотали оглушительные раскаты грома, хлестал ливень, все промокли до костей, как будто искупались в море.

Совещались Старейшины долго, Пирамидон из-за чего-то рассердился и погрозил Очень Крепкому Орешку кулаком. Коварные Близнецы схватили его за обе руки и держали, пока он не успокоился. Наконец Стоик вышел из Стойки и подошел к мальчишкам, которые стояли, понуриив головы, а драконы робко копошились возле их ног.

Если бы Иккинг набрался сил поднять голову и посмотреть на отца, он увидел бы, что от прежнего Стоика — веселого, жестокого, разбитного — не осталось и следа. Вождь Племени Лохматых Хулиганов был печален и суров.

— Новобранцы обоих Племен! — угрюмо проревел он. — Сегодня вам выпал очень тягостный день, Вы НЕ СУМЕЛИ пройти Окончательное Испытание Драконьим Воспитанием Программы Посвящения. По суровому Закону Внутренних Островов это означает, что вы должны быть НАВСЕГДА изгнаны из своих Племен. Я этого не хочу, не только потому, что среди вас находится мой единственный сын, но и потому, что с вами Племена лишаются целого поколения воинов. Но мы не можем нарушать Закон. Только сильным есть место в Племени, а иначе кровь наших воинов ослабеет. Только Герои могут стать настоящими Хулиганями и Остолопами!

Стоик ткнул в небо толстым пальцем.

— Более того, — продолжал он, — бог Тор не на шутку рассердился. Сейчас не время нарушать Закон.

Будто в подтверждение его слов, Тор послал на землю мощный удар грома.

— При нормальных обстоятельствах, — продолжал Стоик Обширный, — церемония изгнания началась бы прямо сейчас Но выйти в море в такую погоду означает неминуемую смерть. В виде акта доброй воли я разрешаю вам провести одну ночь под моим кровом, а наутро вас ни свет ни заря высадят на побережье Материка и предоставят самим себе. С этого момента вам запрещается разговаривать с кем-либо из других членов Племен.

Мальчишки стояли, потупившись, под проливным дождем, среди оглушительных раскатов грома.

— О горе мне, это самый несчастный день в моей жизни! Я вынужден изгнать собственного сына, — простонал Стоик.

По толпе прокатился сочувственный ропот. Племя аплодировало благородству своего Предводителя.

— Вождь не может вести такую же жизнь, как и простые соплеменники, — сказал Стоик, чуть ли не умоляюще глядя на Иккинга. — Он должен решать, что хорошо, а что плохо для Племени.

Внезапно Иккинг страшно рассердился.

— И ты хочешь, чтобы Я тебя пожалел? — крикнул он Стоику. — Что же ты за отец, если твой драгоценный Закон для тебя важнее собственного сына! И что это за дурацкое Племя, если в нем нет места обыкновенным людям!

На мгновение Стоик Обширный застыл, глядя на сына с удивлением и ужасом. Потом повернулся и побрел прочь. Племена уже разбежались с пляжа и теперь карабкались по склонам холмов, чтобы укрыться от бури под крышами Деревни, а вокруг них непрерывно сверкали молнии.

— Я тебя убью, — прошипел Сопляк Иккингу. У него на плече грозно скалилась Огневица. — Как только нас изгонят, первым делом я тебя убью. — И он побежал вслед за остальными.

—

У меня з'зу-зубик сломался, — пожаловался Беззубик. —

К'ко-когда я укусил Огневицу...

Иккинг пропустил драконье хныканье мимо ушей. Вне себя от ярости, он поднял глаза к небу, а ветер пригоршнями черпал морскую воду и швырял ему в лицо.

— ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН РАЗ, — закричал Иккинг. — Почему ты не дал мне побыть Героем ВСЕГО ОДИН РАЗ? Я не хотел ничего сверхчеловеческого, всего лишь пройти это ДУРАЦКОЕ ИСПЫТАНИЕ и стать нормальным Викингом, как все остальные.

Над головой его в черном небе равнодушно поигрывал молниями громовержец Тор.

— Хорошо же, — завизжал Иккинг. — Тогда ПОРАЗИ МЕНЯ своей дурацкой молнией. Сделай хоть что-нибудь, покажи, что ты ХОТЬ НЕМНОЖКО думаешь обо мне!

Но для Иккинга у Тора не нашлось даже самой завалывающей молнии. Громовержец даже не снизошел до ответа.

Гроза удалялась в море.

11. ТОР РАЗГНЕВАН

Гроза бушевала всю ночь.

Иккинг долго не мог уснуть: ветер завывал под стенами хижины, как пятьдесят драконов, угрожающих ворваться внутрь.

— Впусти нас,пусти, — завывал ветер. — Мы голодны, страшно голодны!

Далеко-далеко, посреди бурного черного моря, шторм бушевал с такой силой, что гигантские

волны потревожили сон пары ужасно древних Морских Драконов.

Первый Дракон был просто огромным, величиной примерно с высокий утес.

Но второй был ошеломляюще велик!

Это и был тот самый Монстр, о котором мы рассказывали раньше, чудовищный Зверь, закусивший римским легионом и шесть сотен лет после этого дремавший в морских глубинах. Тот самый, чей сон в последнее время стал беспокоен.

Жестокий шторм ласково, будто спящих младенцев, поднял обоих Драконов с морского дна и на горбу неописуемо громадной волны вынес их на Длинный Пляж, неподалеку от Иккинговой деревни.

Там они и остались спать, сладко посапывая, пока бешеные ветра завывали над ними, будто стоя Викинговских привидений, устроивших в Валгалле шумную вечеринку. Наконец ветер выдохся, выглянуло солнце. Его лучи осветили пляж, на котором умещались Драконы и больше почти совсем ничего. ***

Первый Дракон был так велик, что мог навеять вам кошмарные сны.

Второй Дракон мог навеять кошмары вашим кошмарным снам.

Представьте себе зверюгу в двадцать раз больше самого крупного тираннозавра. Это скорее гора, чем живое существо, — громадная, блестящая, злобная гора. Его шкура так густо поросла раковинами, что походила на усеянный самоцветами панцирь, но на суставах и впадинах, там, где мелким ракообразным и кораллам было не за что уцепиться, был во всей красе виден его истинный цвет. Роскошный, темно-зеленый, будто цвет самого океана.

Дракон проснулся, закашлялся и отрыгнул последнее, что проглотил шестьсот с лишним лет назад, — парадный штандарт Восьмого Молниеносного Легиона, на котором всё еще храбро развевались жалкие обрывки ленточек. Дракон употребил этот штандарт вместо зубочистки — фигуркой орла на его конце было очень удобно выковыривать противные кусочки мяса, застрявшие между двадцатифутовых зубов. ***

Первым, кто обнаружил Драконов, был Ворчун Вонючий — он спозаранку отправился на берег, чтобы посмотреть, что осталось от его сетей после жестокого шторма.

Он бросил на пляж один-единственный взгляд и тотчас же поспешил к дому Вождя.

— У нас неприятности, — сообщил Ворчун.

— Какие еще НЕПРИЯТНОСТИ? — рявкнул Стоик Обширный.

Стоик не спал всю ночь. Он лежал, беспокойно ворочался и думал. Что он, в самом деле, за отец, если ставит драгоценный Закон выше собственного сына?! Но, с другой стороны, что это за сын, если он нарушает драгоценный Закон, соблюдению которого его отец посвятил всю свою жизнь?

К утру Стоик принял героическое решение — он отменит торжественную клятву, которую дал вчера на пляже, и не станет изгонять Иккинга и других мальчишек из Племена. «СЛАБ я духом, СЛАБ, — мрачно попрекал себя Стоик. — Вот Кальмаробраз Свирепый, не моргнув глазом, отправил бы своего сына в изгнание. А Громовопль Подагрик так просто наслаждался бы этим. А я-то что же? Меня самого надо изгнать из Племена, и именно это наверняка и предложит Пирамидон Остолоп».

Одним словом, Стоику и без того хватало неприятностей.

— На Длинном Пляже разлеглась пара солидных Драконов, — сообщил Ворчун.

— Скажи им, пусть проваливаются, — отмахнулся Стоик

—

Сам скажи, — предложил Ворчун.

Стоик поплелся на пляж. На обратном пути он был очень задумчив.

— Ну что, сказал им? — поинтересовался Ворчун.

— Не им, а ЕМУ, — ответил Стоик. — У меня на глазах более крупный Дракон сожрал более мелкого. Я не стал ему мешать. Думаю, надо созывать Военный Совет. ***

В то утро и Хулиганы, и Остолопы проснулись от страшного грохота Больших Барабанов, созывающих всех на Военный Совет. Эти Барабаны пускали в ход только в дни самых страшных событий.

Иккинг проснулся и вздрогнул.

Ночью он почти не спал. Беззубика, который накануне вечером заполз к нему под одеяло, нигде не было видно, постель была холодна как лед видимо, дракончик удрал довольно давно.

Иккинг торопливо натянул одежду. За ночь она высохла, но от соли задубела так, что рубашка и брюки походили на деревянный футляр. Он плохо представлял себе, что ему надо делать, потому что этим утром он должен был отправиться в изгнание.

Иккинг поплелся в Парадный Зал. Остолопы провели там всю ночь, потому что погода не благоприятствовала стоянке под открытым небом.

По дороге он столкнулся с Рыбьею. Тот, казалось, спал не лучше Иккинга. Очки на нем сидели наперекосяк.

— Что случилось? — спросил Иккинг.

Рыбьею пожал плечами.

— Где Стражкова? — спросил Иккинг.

Рыбьею опять пожал плечами.

Иккинг обвел глазами толпу, стягивавшуюся ко входу в Парадный Зал, и заметил, что в ней нет ни одного домашнего дракона. Обычно они крутились возле своих хозяев, порывались и переругиваясь друг с другом. В их отсутствии было что-то зловещее...

Больше никто этого не замечал. В воздухе стоял возбужденный галдеж, могучие викинги распахивали друг друга локтями, прокладывая себе дорогу в Парадный Зал. Не всем хватило места внутри, у входа скопилась шумная толпа недовольных варваров...

Стоик Обширный призвал собравшихся к тишине.

— Я собрал вас здесь, — прогудел Великий Вождь, — потому что у нас возникла проблема. На Длинном Пляже сидит довольно большой Дракон.

Толпа разочарованно загудела. Все надеялись на более серьезные неприятности.

Пирамидон облек всеобщее недовольство в слова.

— Большие Барабаны принято пускать в дело только во времена по-настоящему смертельных опасностей, — заявил он. — А ты созвал нас в этот чудовищно ранний час (Пирамидон не выспался — он спал на каменном полу в Парадном Зале, подложив под голову шлем вместо подушки) из-за какого-то жалкого ДРАКОНА? Надеюсь, Стоик, ты не теряешь былую хватку, — усмехнулся он, надеясь, что тот теряет.

— Это не обычный Дракон, — сказал Стоик. — Этот дракон ОГРОМНЫЙ. Колоссальный. Несусветный. Я таких никогда раньше не видывал. Не Дракон, а целая гора.

Викинги

никогда не видели драконов величиной с гору и поэтому особо не испугались. Они испокон веков привыкли повелевать драконами.

— Этого Дракона, — продолжал Стоик, — нужно, конечно, прогнать. Но он очень большой. Что делать, Старый Сморчок? Ты главный мыслитель нашего Племени.

— Ты мне льстишь, Стоик, — сказал Старый Сморчок, которого всё происходящее, казалось, забавляло. — Судя по твоему описанию, это Моредраконус Гигантикус Максимус, к тому же необычайно крупная особь. Очень жестокий, очень умный и с хорошим аппетитом. Но моя область — ранняя исландская поэзия, а не крупные рептилии. Вот профессор Дряблинг — самый большой среди викингов эксперт по драконам. Может, стоит проконсультироваться с его книгой?

— Ну конечно же! — воскликнул Стоик. — «Как приручить дракона», если не ошибаюсь? Сдается мне, Брехун Крикливый когда-то стибрил эту книгу из Остолопской Публичной Библиотеки... — Он покосился на Пирамидона.

— Это оскорбление! — загудел Пирамидон. — Эта книга — собственность Безжалостных Остолопов! Я требую вернуть ее сию же секунду, а не то я объявлю вам войну!

— Да брось ты, Пирамидон, — отмахнулся Стоик. — Чего еще ждать от таких беспомощных библиотекарей, как у тебя?

Мятый Косматый Библиотекарь залился нежно-розовой краской, и его душа ушла в пятки ботинок тридцать шестого размера.

— Толстопуз, подай-ка мне книгу, она у камина, — приказал Стоик.

Толстопуз протянул длинную, как щупальце осьминога, руку и достал книгу с полки. Он швырнул ее через головы толпы, и Стоик Обширный (под бурные аплодисменты зала!) ловко поймал ее. Моральный дух зрителей был высок! Стоик раскланялся и протянул книгу Брехуну.

— БРЕ-ХУН, БРЕ-ХУН, БРЕ-ХУН! — скандировала толпа (вернее, ее Хулиганская часть). Для Брехуна настал звездный час. В трудную минуту народу нужен Герой, а он всегда знал, что годится для этой роли. Он раздул грудь от сознания собственной важности.

— О, ничего особенного, — скромно прогудел он. — Обыкновенное небольшое ограбление... Просто чтобы сохранить форму...

И прочистил горло.

— Тс-с-с, — зашипела толпа, как клубок морских змей.

— «Как приручить дракона», — торжественно зачитал Брехун.

И помолчал

— «ОРИТЕ НА НЕГО».

И снова молчание.

— А что дальше? — робко спросил Стоик — Орите на него, и?..

— И всё, — сказал Брехун. — ОРИТЕ НА НЕГО.

— В этой книге ничего не говорится конкретно о Моредраконусах Гигантикусах Махимусах? — спросил Стоик.

Брехун снова перелистал книгу.

— Ничего, — ответил он. — Только о том, чтобы орать.

— Гм, — протянул Стоик. — Не густо. Никогда раньше не замечал, что эта книга такая короткая. Короткая, но по существу, — торопливо добавил он. — Совсем как мы, викинги. Спасибо Тору, что у нас есть такие эксперты. Значит, — повелительно, как и подобает Вождю, продолжил Стоик, — поскольку этот Дракон очень крупный...

— Огромный, — радостно перебил его Старый Сморчок. — Гигантский. Колоссальный. В пять раз больше Большого Синего Кита.

— Да, спасибо за уточнение, Старый Сморчок, — поблагодарил Стоик. — Поскольку он, несомненно, довольно велик, то и орать нужно погромче. Предлагаю всем выйти на обрыв и одновременно заорать.

— А что мы будем орать? — спросил Толстопуз.

— Что-нибудь короткое, но по существу. Например, ПОШЕЛ ВОН, — ответил Стоик. ***

Племена Безжалостных Остолопов и Лохматых Хулиганов столпились на краю обрыва, нависавшего над Длинным Пляжем, и с высоты взирали на необычайно громадного Дракона, который растянулся на песке и, с наслаждением причмокивая, доедал последние остатки своего менее удачливого собрата. Трудно было поверить, что эта махина — живая, и даже когда вы видели, как она шевелится, то спрашивали себя, что это — землетрясение или зрительный обман.

Да, бывают случаи, когда размер всё-таки имеет значение, подумал про себя Иккинг. И это — как раз такой случай.

Как я уже говорил, драконы — существа тщеславные, жестокие и аморальные. С этим еще можно мириться, когда они намного мельче тебя. Но когда гнусная драконья душонка вложена в существо величиной с гору, как с ним совладать?

Брехун Крикливый, как самый уважаемый крикун, выступил вперед, чтобы руководить общим воплем. Его грудь раздувалась от гордости.

— Раз... два... три...

Четыре сотни викингов в один голос заорали:

— ПОШЕЛ ВОН! — и для убедительности добавили Боевой Клич Викингов.

Если кто не знает. Боевой Клич Викингов призван леденить кровь в жилах врагов. Этот грозный, электризирующий вопль начинается с кровожадного рыка хищников, затем переходит в полный ужаса визг их жертвы и заканчивается тошнотворно-реалистическим бульканьем, когда жертва захлебывается собственной кровью. Этот звук и при хорошей погоде способен напугать всякого, ну а когда, ну а когда его хором орут четыре сотни варваров в восемь часов утра, то даже сам могучий Тор роняет свой молот и плачет от страха, как младенец.

Наступила зловещая тишина.

Могучий Дракон повернул к викингам свою могучую голову.

Четыре сотни глоток дружно ахнули, когда пара горящих желтых глаз (величиной с шесть рослых мужчин каждый) сузилась в злобные щелки.

Дракон раскрыл пасть и испустил рык такой громкий и грозный, что пять или шесть пролетавших мимо чаек замертво упали на песок. По сравнению с этим рыком Боевой Клич Викингов казался плачем новорожденного младенца. Этот потусторонний, нечеловеческий звук обещал СМЕРТЬ, НИКАКОЙ ПОЩАДЫ и САМЫЕ СТРАШНЫЕ МУКИ.

Снова наступила тишина.

Одним легким движением когтя Дракон разорвал рубаху и штаны Брехуна от головы до пят, будто апельсин очистил. Брехун Крикливый издал совсем не Героический крик оскорбленной стыдливости. Дракон поставил коготь на землю и слегка щелкнул Брехуна в зад. Брехун взлетел в воздух, как бумажный шарик, кометой пронесся над головами викингов и опустился далеко-далеко, за крепостными стенами деревни.

Дракон приложил свою громадную, растрескавшуюся лапу к толстым рептильным губам и послал викингам воздушный поцелуй. Огненный шар поцелуя взвился в небо и прямым попаданием поразил флоты Стоика Обширного и Пирамидона Остолопа, героически пережившие шторм в тихих водах Хулиганской Бухты. Все пятьдесят кораблей дружно вспыхнули и пошли ко дну.

Четыреста с лишним викингов бросились бежать с обрыва во все свои восемьсот с лишним ног. ***

Брехуну Крикливому повезло: он приземлился на крышу собственного дома. Толстый слой мокрой травы задержал падение, и он голышом рухнул прямо в свое кресло у камина, ошарашенный, но целый и невредимый.

— ВСЕ ясно, — заявил Стоик Обширный толпе викингов, изрядно испуганных, но не побежденных. — Значит, крики не помогли.

Племена снова собрались на центральной площади деревни.

— И, так как наш флот выведен из строя, мы лишены возможности бежать с острова, — продолжал Стоик. — Что нам сейчас нужно, — заявил он, стараясь сделать вид, будто владеет ситуацией, — это доброволец, который подойдет к чудовищу и спросит его, с чем он пришел — с МИРОМ или с ВОЙНОЙ.

— Я схожу... — вызвался Брехун Крикливый, который как раз в эту минуту вернулся на площадь, всё еще изображая Героя. Он старался говорить веско и с достоинством, но трудно сохранять достоинство, когда в твоих волосах запуталась трава, а на плечах болтается платье тетушки Агаты — единственная одежда, которую Брехун нашел в доме.

— Брехун, ты что, умеешь говорить по-драконьи? — удивился Стоик.

— Честно говоря, нет, — признался Брехун. — Тут никто не говорит по-драконьи. Это запрещено приказом Стоика Обширного. Да Трепещет Всякий, Кто Услышит Его Имя, кх, гм, да. Драконы — низшие существа, на которых должно орать. А если говорить с ними, драконы могут слишком много о себе возомнить. Драконы коварны и должны знать свое место.

— Иккинг умеет говорить по-драконьи, — очень тихо сказал Рыбьенег в гуще толпы.

— Тс-с, — прошипел Иккинг и ткнул приятеля под ребра.

— Можешь, можешь, — настаивал Рыбьенег — Разве ты не видишь? Это твой шанс стать Героем! А мы всё равно погибнем, так что воспользуйся случаем...

— Иккинг умеет говорить по-драконьи, — закричал Рыбьенег, на этот раз очень громко.

— Иккинг? — переспросил Брехун Крикливый.

— ИККИНГ? — недоверчиво повторил Стоик Обширный.

— Да, Иккинг, — подтвердил Старый Смorchок. — Маленький мальчик рыжеволосый такой, на носу веснушки, ты как раз сегодня утром собирался отправить его в изгнание. — Старый Смorchок глядел сурово. — Чтобы кровь Племени не ослабла, помнишь? Твой сын, Иккинг.

— Спасибо, Смorchок, я хорошо знаю, кто такой Иккинг, — ответил Стоик Обширный, пряча глаза. — Кто-нибудь знает, где он? ИККИНГ! Иди сюда.

— Похоже, ты всё-таки оказался полезен... — тихонько пробормотал Старый Смorchок.

— Вот он! — завопил Рыбьенег и хлопнул Иккинга по спине. Иккинг начал было ввинчиваться в толпу, но тут его заметили, подняли над головами и вынесли прямо к ногам Стоика.

— Иккинг, сынок, — спросил отец. — Это правда, что ты умеешь говорить с драконами?

Иккинг кивнул.

Стоик неловко закашлялся.

— Ситуация двусмысленная. Я знаю, что мы собрались изгнать тебя из Племени. Однако если ты сделаешь то, о чем мы тебя просим, то, уверен, от имени всех собравшихся я могу пообещать, что приговор будет пересмотрен. Мы все находимся перед лицом грозной опасности, и никто, кроме тебя, не умеет говорить по-драконьи. Будь так добр, сходи к этому чудовищу и спроси, с чем он пришел — с МИРОМ или с ВОЙНОЙ?

Иккинг молчал.

Стоик снова кашлянул.

— Можешь разговаривать со мной, — разрешил он. — Я отменяю запрет.

— Значит, изгнание отменяется, да, папа? — спросил Иккинг. — Если я пойду к этому Адскому Чудовищу и погибну, то меня сочтут Героем, достойным войти в Племя Лохматых Хулиганов?

Стоик смутился еще сильнее,

— Совершенно верно, — сказал он.

— ЛАДНО, — сказал Иккинг. — Пойду.

12. ЗЕЛЕНый СМЕРЧ

Одно дело — приближаться к первобытному кошмару в толпе из четырехсот викингов. И совсем другое — идти туда в одиночку. Иккинг с трудом заставлял себя передвигать ноги.

Стоик предложил ему охрану из своих отборных солдат, но Иккинг отказался.

— Меньше вероятность, что кто-нибудь выкинет какую-нибудь Героическую глупость, — сказал он.

Хотя барды особенно любят именно этот эпизод, считая его примером Невероятного Героизма Иккинга Кровожадного Карасика III, я с ними не согласен. Нетрудно быть храбрым, когда знаешь, что ничего другого тебе всё равно не остается. В глубине души Иккинг знал, что Чудовище намеревается убить их всех. Поэтому терять ему было особо нечего.

Тем не менее, когда Иккинг выглянул с края обрыва, его спина взмокла от страха. Там, внизу, лежал, заполняя собой весь пляж, невероятно огромный Дракон. Казалось, он спал.

Но откуда-то из его живота доносилось странное пение. Песня была примерно такая:

«Я, великий разрушитель,

Тут уселся на обед.

У китов вкусна печенка,

А у осьминогов — нет.

От акул навара много,

Но мой опыт говорит:

От их мелких острых зубок

Иногда живот болит...»

«Странно, — подумал Иккинг. — Как это он поет с закрытым ртом?»

Но тут Дракон приоткрыл крокодилий глаз и заговорил с Иккингом. От испуга тот чуть не выпрыгнул из сандалий.

—

А что тут странного? — спросил Дракон, явно забавляясь. —

Дракон с закрытыми глазами не обязательно спит, откуда следует, что дракон с закрытым ртом не обязательно поет, вещи не таковы, какими кажутся. Эти звуки, которые ты слышишь, издаю не я. Это, мои Герой, — поющий обед.

—

Поющий обед? — переспросил Иккинг, вспомнив, что нельзя, никогда, ни в коем случае нельзя смотреть в глаза больших и злобных драконов, таких, как этот. Вместо этого он уставился на один из Драконовых когтей.

И это было ошибкой, потому что Иккинг увидел, что Дракон своей громадной лапицей прижимает к земле целое стадо жалобно блеющих овец. Он нарочно отпустил одну из овечек, позволил ей почти добежать до спасительных скал, а потом осторожно ухватил двумя когтями за шерсть и подбросил высоко-превысоко в воздух.

Иккинг и сам нередко проделывал этот трюк — с ягодами ежевики. А Дракон запрокинул громадную голову, и шерстистый комочек упал в разинутую пасть, которая тут же захлопнулась. Раздалось оглушительное чавканье, и Дракон проглотил несчастную овцу.

Тут Дракон заметил, что Иккинг оцепенело взирает на него, и приблизил к мальчику свою несусветную голову. Иккинга чуть не стошнило, когда из пасти Дракона зеленовато-желтым облачком вырвалось его зловонное дыхание. Это был запах самой СМЕРТИ — густая, головокружительная вонь разлагающегося мяса, гниющих тресковых голов и потных китов, давно погибших акул и заблудших душ. Отвратительные пары клубились вокруг мальчика мерзкими завитками, забиваясь в нос. Иккинг закашлялся и сплюнул.

—

Некоторые утверждают, что овцу перед употреблением следует очистить от костей, — доверительно сообщил Дракон. —

Но лично я считаю, что кости придают овце специфический приятный хруст. А иначе она была бы всего лишь куском низкокалорийного мяса...

Дракон рыгнул. Его отрыжка была идеально ровным кольцом огня, которое проплыло по воздуху, как облачко дыма изо рта курильщика, и опустилось на вереск вокруг Иккинга, так что тот оказался посреди огненного кольца. Однако вереск был сырым, и ярко-зеленое пламя очень скоро погасло.

—

Упс, — хихикнул Дракон. —

Прошу прощения... Маленькая застольная шутка...

Потом он водрузил исполинскую лапу на край обрыва, на котором стоял Иккинг.

—

Однако людей, — задумчиво продолжал Дракон, —

людей и в самом деле нужно очищать от костей и делать филе. Особенно мешает позвоночник — он часто застревает в горле...

Болтая так, ни о том, ни о сём, Дракон протягивал лапу всё дальше и дальше; из толстых подушечек на пальцах медленно выдвигались когти, похожие на гигантские клинки шести футов в ширину и двадцати футов в длину, на концах острые, как хирургический скальпель.

—

Удалять человеческий позвоночник — дело тонкое, — вещал Дракон. —

Но у меня получается очень хорошо... Надо сделать всего один маленький надрез сзади на шее, вот здесь... — он показал на шею Иккинга, —

а потом быстро провести когтем вниз и вытащить хребет. Практически безболезненно... для меня.

Глаза Дракона светились искренним блаженством.

Иккинг лихорадочно соображал. Когда смотришь в лицо Смерти, это очень ускоряет мыслительный процесс. Какие из своих знаний о Драконах он может применить против такого Неодолимого Монстра?

Перед его мысленным взором встала страница с Драконьими Мотивациями.

БЛАГОДАРНОСТЬ: как известно, драконам она неведома. СТРАХ: безнадежно. ЖАДНОСТЬ: не самая удачная идея на данный момент. ТЩЕСЛАВИЕ и ЖАЖДА МЕСТИ: возможно, пригодятся, но Иккинг не мог придумать, как. Оставались АНЕКДОТЫ И ЗАГАДКИ. Этот Дракон, видимо, расположен пошутить. И, судя по его манере разговора, считает себя философом. Может быть, удастся выиграть время, если втянуть его в умную беседу...

—

Я слышал люди иногда поют ради обеда, — сказал Иккинг. —

Но чтобы обед пел сам?..

—

Хороший вопрос, — удивился Дракон. —

Я бы даже сказал, отличный вопрос. — Он втянул когти, и Иккинг с облегчением вздохнул. —

Давненько я не встречал таких умных обедов. Обычно они цепляются за свою жалкую жизнь и не задают По-на стоящему Серьезных Вопросов.

—

А теперь дай подумать, — сказал Дракон. За размышлениями он подцепил на коготь излишне громко протестующую овцу и тщательно ее прожевал. Иккингу было жалко овцу, но он радовался, что сам не оказался на ее месте в ненасытной глотке Ужасной Рептилии.

—

Как бы это попроще объяснить, человек, чтобы стало понятно для мозга гораздо меньшего и не такого умного, как мой... Видишь ли, все мы в некотором роде обеды. Ходячие, говорящие, дышащие обеды. Возьмем, например, тебя. Ты вот-вот будешь съеден мною, значит, ты — обед. Это очевидно. Но даже такой смертоносный хищник, как я, рано или поздно станет обедом для червей. Мы все выхватываем драгоценные мгновения из

безжалостных челюстей времени, — бодро заключил Дракон.

—

Вот почему так важно, — продолжал он, —

чтобы обед пел как можно благозвучнее.

Он указал на свой живот, откуда по-прежнему доносился поющий голос, правда, всё тише и тише:

«Люди — пресная еда,

Но если есть у вас вода,

Соль, лучок, капуста,

Будет очень вкусно-о-о!»

—

Конкретно этот обед, — пояснил Дракон, —

тот который сейчас поет, был драконом, намного мельче меня, но очень самодовольным. Я его съел примерно полчаса назад.

—

Но ведь это же каннибализм! — возмутился Иккинг.

—

Это очень вкусно, — возразил Дракон. —

Кроме того, нельзя называть такого виртуоза, как я, каннибалом. — В его голосе слышались возмущенные нотки. —

Ты слишком неотесан для такого маленького человечка. Чего ты хочешь, Маленький Обед?

—

Я пришел, — ответил Иккинг, —

чтобы спросить тебя: ты явился с миром или с войной?

—

Само собой, с миром, — ответил Дракон, —

Но вас все-таки убью, — добавил он, немножко подумав.

—

Всех? — уточнил Иккинг.

—

Тебя первого, — милостиво пообещал Дракон. —

А потом, когда вздремну и нагуляю аппетит, — всех остальных. Понимаешь, нелегко сразу выйти из Сонной Комы.

—

Но это же нечестно! — возмутился Иккинг. —

Почему ты поедаеть всех подряд — только потому, что ты самый большой?

—

Так устроен мир, — вздохнул Дракон. —

Кроме того, когда ты окажешься внутри меня, то поделишь мою точку зрения. Пищеварение творит удивительные чудеса... Но где же мои хорошие манеры? Позвольте представиться. Меня зовут Зеленый Смерч. А как твое имя, Маленький Обед?

—

Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — ответил Иккинг.

И тут произошло нечто удивительное.

Как только Иккинг назвал свое имя, Зеленый Смерч содрогнулся, будто по нему пробежал легкий ветерок. Причём ни сам Дракон, ни Иккинг ничего не заметили.

—

Гм-м, — протянул Зеленый Смерч, —

Кажется, я где-то уже слышал твое имя. Но оно слишком длинное, поэтому я стану называть тебя просто Маленьким Обедом. Итак, Маленький Обед, прежде чем я тебя съем, расскажи мне о своих проблемах.

—

Каких проблемах? — спросил Иккинг.

—

Сам знаешь, — ответил Дракон. —

Например, «Почему-Мне-Не-Удастся-Быть-Похожим-На-Отца». Или «Как-Трудно-Стать-Героем». Или «Из-Сопляка-выйдет-Лучший-Вождь-Чем-Из-Меня». Поверь мне, я многим Обедом помог справиться с их проблемами. Когда они встречали По-настоящему Большую Проблему вроде меня, они начинали воспринимать все остальные проблемы в правильной пропорции.

—

Давай говорить напрямик, — предложил Иккинг. —

Ты все знаешь о моем отце, о том, что я не Герой, и всё остальное тоже...

—

Я могу видеть подобные вещи насквозь, — скромно признался Зеленый Смерч.

—

...и ты просишь меня рассказать о моих проблемах, а потом хочешь меня съесть?

—

Мы опять вернулись к началу, — вздохнул Зеленый Смерч. —

Все мы рано или поздно будем съедены. Ты, маленькая крабовая палочка, можешь выиграть немного дополнительного времени, если будешь умен. Так сказать, успеть выхватить пару каштанов из огня...

Зеленый Смерч зевнул.

—

Устал я что-то, — сообщил он. —

А ты, маленькая крабовая палочка, в самом деле хитер, заболтал меня до смерти... — Он опять зевнул. —

Ладно, не буду я тебя сейчас есть, устал очень, приходи через пару часов... и я покажу, как справиться с твоими проблемами. Пожалуй, я смогу тебе помочь...

И кровожадный Монстр в самом деле заснул, сладко похрапывая. Его громадные когтистые лапы ослабили хватку, и оставшиеся овцы, дрожа от ужаса шерстистыми боками, перебрались через верхушки огромных когтей и пустились врассыпную по обрывистым берегам.

С минуту Иккинг задумчиво смотрел на Дракона, потом медленно поплелся по вересковой пустоши обратно в деревню.

Когда он вошел в ворота, все бурно приветствовали его, подняли на руки и доставили к отцу.

— Ну что, сынок? — спросил Стоик Обширный. — С чем он пришел — с МИРОМ или с ВОЙНОЙ?

— Говорит, что с миром, — сказал Иккинг. Все захлопали в ладоши и разразились громкими криками «УРА!».

Иккинг поднял руку, требуя тишины.

— Но всё-таки собирается нас всех убить.

13. КОГДА КРИКИ НЕ ПОМОГАЮТ

Пока Дракон спал, Военный Совет спорил о том, что делать дальше.

— Я напишу письмо профессору Дряблингу, — сказал Стоик Обширный. — В самых крепких выражениях. В этой книге НИ СЛОВА не сказано о том, что делать, если крики не помогают.

А это показывает, как сильно рассердился Стоик: он никогда не писал писем, если мог обойтись без этого.

По правде сказать. Стоик Обширный впервые в жизни не на шутку перепугался.

«Вот что получается, когда нарушаешь Закон, — сказал он себе. — Если бы я, как и следовало, прогнал мальчишек вчера вечером, то сегодня им не пришлось бы умирать вместе с нами. Надо сильнее доверяться Тору!»

А Остолоп Пирамидон еще не осознал всей тяжести положения. Он считал, что надо соорудить что-то вроде громадного мегафона, чтобы Крики звучали еще громче.

— Гигантскому дракону — гигантский Ор, — сказал он.

— Мы уже ИСПРОБОВАЛИ это, о Планктоноголовый, — возразил Стоик.

— КОГО ЭТО ТЫ НАЗЫВАЕШЬ ПЛАНКТОНОГОЛОВЫМ? — обиделся Пирамидон, и Вожди сошлись усы к усам, будто два рассерженных моржа.

Иккинг вздохнул и побрел прочь из деревни.

Ему почему-то казалось, что взрослые уже не придумают ничего мало-мальски хитроумного.

К удивлению Иккинга, за ним последовал не только Рыбьенег, но и все Новобранцы из ОБОИХ Племен — и Хулиганы, и Остолопы.

Все они выстроились полукругом вокруг Иккинга.

— Ну что, Иккинг, — спросил Бандюг Остолоп. — Что нам делать дальше?

— А с какой это стати ты спрашиваешь ИККИНГА? — сердито спросил Сопляк. — Неужели считаешь, что НИКЧЕМНЫЙ вытащит нас из этой переделки? Он одной левой добился того, что мы все провалились на Заключительном Испытании. Из-за НЕГО мы изгнаны из наших Племен на съедение людоедам. Он не может справиться даже с драконом величиной с блоху!

— А ТЫ, Сопляк, умеешь разговаривать с драконами? — спросил Рыбьенег.

— С радостью сообщаю, что нет, — гордо ответил Сопляк.

— Тогда заткнись, — посоветовал Рыбьенег.

Сопляк схватил Рыбьенога и заломил ему руку.

— Никто, слышишь, НИКТО не имеет права сказать СОПЛЯКУ МОРДОВОРОТУ «заткнись»!
— прошипел Сопляк.

— Я имею, — сказал Бандюг Остолоп. Он схватил Сопляка за грудки и приподнял над землей. — ТВОЙ дракон вел себя не лучше, чем ЕГО. Что-то я не заметил, чтобы хоть

чей-нибудь дракон сидел смирененько посреди этой свалки, как примерный мальчик. Так что лучше заткнись, а не то я тебе руки-ноги поотрываю и сам знаешь, куда засуну, тыквоголовая ты СВИНЬЯ с водорослями вместо мозгов!

Сопляк глянул в маленькие суровые глазки Бандюга.

И заткнулся.

Бандюг выпустил Сопляка и презрительно вытер руки о рубаху.

— Так или иначе, — сказал он, — МОЙ отец тоже участвовал в этом дурацком Совете Старейшин. Я согласен с Иккингом. Что это за отец, если ему дурацкий Закон важнее родного сына? И что это вообще за дурацкое Испытание? Если мы спасем этих придурков от НАСТОЯЩЕГО дракона вроде этого, может, нас всё-таки примут в эти их дурацкие Племена.

«ТАК, ТАК, ТАК, — подумал Иккинг. — Гляди, как дело повернулось! Может, Дракон и в самом деле собирается помочь мне с моими Героическими проблемами. Прежде чем съест меня, разумеется».

Одна встреча с Драконом с глазу на глаз — и вот уже девятнадцать юных варваров, почти все крупнее и сильнее Иккинга, с надеждой смотрят на него и ждут его приказаний.

Иккинг встал на цыпочки и постарался выглядеть Героем.

— ХОРОШО, — сказал он. — Мне надо подумать.

— А НУ, ОСВОБОДИТЕ ПАРНЮ МЕСТО! — заорал Бандюг, расталкивая мальчишек.

Он смахнул пыль с ближайшего камня и усадил Иккинга.

— Думай, парень, думай, сколько надо, — сказал Бандюг. — В таком деле, как наше, нужно подумать как следует, и, сдастся мне, ты один здесь на это способен. Любой, кто сумеет двадцать минут беседовать с крылатой акулой величиной с планету и при этом остаться в живых, куда лучший мыслитель, чем я.

Иккинг почувствовал, что смотрит на Бандюга Остолопа с большей теплотой, чем раньше.

— ТИХО! — заорал Бандюг. — ИККИНГ ДУМАТЬ БУДЕТ!

Иккинг сел и принялся думать.

Думал он долго. ***

Примерно через полчаса Бандюг сказал:

— Все, что ты там надумал про это чудовище, должно подействовать на обоих.

— Как, ЕЩЕ ОДИН Дракон объявился? — спросил Иккинг.

Бандюг кивнул.

— Пока ты болтал с Большим Зеленым, я поднялся на Самую Высокую Гору и заметил еще одного.

— ЛАДНО, — вздохнул Иккинг, — Это нам даже на пользу. Пошли, посмотрим новое Страшилище.

Тропа на вершину Самой Высокой Горы была усыпана раковинами моллюсков и костями дельфинов, выброшенными вчерашним штормом. По пути им попался даже остов одного из любимых кораблей Стоика Обширного — «Искателя приключений», — сгинувшего в море семь лет назад. Теперь его обломки нелепо громоздились среди камней в трех четвертях пути к вершине самого высокого холма на Олухе.

С вершины горы остров смотрелся как на ладони — видна была вся береговая линия и даже кусочки окружающих морей. На дальнем конце острова лежал громадный Дракон.

Он занимал собой всю Непрístupную Бухту и даже немножко вылезал за ее края.

Дракон отдышал, вместо подушки водрузив необъятную челюсть на высокую скалу. С каждый всхрапом из его ноздрей вырывались клубы лилового дыма.

Это был еще один Моредраконус Гигантикус Максимус, на этот раз царственно-пурпурного цвета и чуть покрупнее, чем его зеленый сородич на Длинном Пляже.

— Это, надо полагать. Пурпурный Смерч, — прошептал Иккинг, дрожа, — Как раз то, что нам нужно. Надеюсь, больше драконов нигде нет?

Бандюг рассмеялся (правда, несколько истерично).

— По мне, так и двух кошмарных убийцев более чем достаточно. А тебе что, мало? ***

Вернувшись с Самой Высокой Горы, Иккинг вкратце обрисовал план действий.

Это был Дьявольски Хитроумный План — правда, немного сумасбродный.

— У нас не хватит сил сражаться с двумя этими драконами, — сказал Иккинг, — но они могут подраться ДРУГ С ДРУГОМ. Надо только разозлить их

как следует и натравить друг на друга. Мы, Хулиганы, сосредоточим свои усилия на Зеленом Смерче, а вы, Остолопы, займитесь Пурпурным. В первую очередь нам понадобятся наши собственные драконы, — продолжал Иккинг, — а они куда-то запропастились. Давайте для начала позовем их.

Все принялись звать своих драконов. Мальчишки кричали громко, во весь голос, потом еще громче, но ни один дракон так и не явился.

На самом деле все двадцать драконов, принадлежавших Новобранцам, прятались совсем неподалеку. Они уже оправились после драконьей драки и теперь сидели на болоте среди папоротников ярдах в двадцати от вершины горы, на которой стояли мальчишки. Драконы припали к земле, как громадные кошки, и недобро посверкивали глазами. Они были точь-в-точь такого же цвета, что и куртина папоротника, и поэтому совершенно сливались с болотом. Будь вы кроликом или оленем, вы бы ни за что не заметили их, пока на вашей спине не сомкнулись бы смертоносные когти, а шею не обожгло горячим огнем.

Некоторое время драконы ползли за мальчишками.

—

Ну, что будем делать? — прошептала Огневица, и в ее пасти грозно затрепетал раздвоенный язык. —

Власть на острове скоро переменится. Хозяева недолго останутся Хозяевами. Они в ловушке, как омары в кастрюле. А мы — нет. Мы можем лететь куда хотим. Что будем делать — вернемся к Хозяевам или сбежим?

Как вы уже, наверно, поняли, драконы — существа не из тех, кто поддерживает проигравших.

—

Что бы мы ни решили делать, давайте сделаем это поскорее, а то у меня крылья замерзли, — проворчал Яркоготь.

—

Может, уьем мальчишек прямо сейчас и поднесем их в дар Новому Хозяину? — предложил Слизняк, кровожадно хрюкнув.

—

Кому, этому зеленому Дьяволу на пляже? — безмятежно уточнила Страхорова. —

Не нравится он мне. Слишком уж у него аппетит хороший. Смотрите, как бы нам самим не оказаться следующим подношением.

—

Тогда давайте улетим, — предложил Яркоготь, и остальные согласно загалдели.

—

Тиш-ш-ше, — прошипела Огневица, —

На этих островах небезопасно. Если улетим, можем попасть из огня да прямо в полымя. Я предлагаю вернуться к хозяевам, пока мы не удостоверимся, что с ними всё кончено. А когда придет время, я подам сигнал к бегству.

И вот, откуда ни возьмись, в воздухе над Самой Высокой Горой закружились драконы. Это Огневица, Слизняк, Страхорова, Убивец, Яркоготь, Аллигатигр и остальные драконы выпорхнули из своего укрытия и вернулись к мальчишкам. Каждый дракон приземлился на вытянутую руку своего хозяина.

Последним, жалобно хныкая, прилетел Беззубик.

— Драконы!.. — обратился к ним Иккинг.

И изложил свой Дьявольски Хитроумный План.

14. ДЬЯВОЛЬСКИ ХИТРОУМНЫЙ ПЛАН

Сначала драконы пытались протестовать, но мальчишки ЗАОРАЛИ на них и призвали к порядку.

Всех, кроме Беззубика, который ни за что не хотел Геройствовать.

—

Ш'шу-шутишь, наверно, — хныкал дракончик. —

Я н'ни-ни н'на-на шаг не подойду к М'мо-моредраконусу Гигантикусу Максимусу. Эти т'тва-вари оп'пасны. Я останусь здесь и посмотрю на вас.

Иккинг и улещивал его, и подкупал, и угрожал — всё напрасно.

— Видите? — заявил Сопляк. — Этот Никчемный не может уговорить на свой жалкий план

даже

собственного дракона. И ЭТО человек, на которого вы рассчитываете?

— Угу, — сказал Песьедух Тугодум.

— Да ЗАТКНИСЬ же, Сопляк! — заорали остальные мальчишки.

Иккинг вздохнул и сдался.

—

Ладно, Беззубик, оставайся здесь, пропустишь самое интересное. А теперь мы все спустимся к Чаячьим Гнездовьям и наберем побольше птичьих перьев. Сделаем перьевые бомбы...

— Птичьих перьев! — фыркнул Сопляк. — Этот хлюпик считает, что с ТАКИМИ чудовищами можно сражаться птичьими перышками! Да эти твари понимают только один язык — язык холодной стали.

— Драконы склонны к астме, — пояснил Иккинг. — Вот к чему приводит выдыхание огня! Дым забивает им легкие.

— Значит, ты считаешь, чудище упадет и умрет на месте от астмы из-за твоих ПЕРЬЕВЫХ БОМБ? Может, лучше накормить его жареной селедкой и подождать, пока оно не умрет лет через двадцать от сердечного приступа? — не унимался Сопляк.

— Нет, — терпеливо разъяснил Иккинг. — Перьевые бомбы просто собьют его с толку, чтобы он не прибил никого по дороге. Сопляк, Бандюг, я хочу научить Огневицу и Убивца, что им делать, — продолжал Иккинг.

— Не стану я рисковать

своим драконом из-за твоего дурацкого плана, — заявил Сопляк.

— ЕЩЕ КАК СТАНЕШЬ, — прошипел Бандюг сквозь зубы, грозя Сопляку увесистым кулаком. — До чего же НАДОЕДЛИВ этот парень! Иккинг, не знаю, как ты его терпишь! Слушай, Сопливая Морда, каким-то чудом тебе удалось заполучить приличного дракона. А сейчас ты ПРИКАЖЕШЬ ему делать всё, что велит Иккинг, а не то я ЛИЧНО буду пинками гнать тебя до Дельфиньего Мыса и обратно!

— Ладно уж, — проворчал Сопляк. — Но если нас всех поджарят из-за безумных идей этого Никчемного, я не виноват. ***

Под присмотром Иккинга были изготовлены перьевые бомбы.

Мальчишки притащили с Чаячьих Гнездовий огромные охапки перьев.

Потом они стащили в деревне все тряпки, какие только сумели найти: пеленки Пучеглазика, пижаму Брехуна, палатку Пирамидона Остолопа, лифчик Валгалларамамы — всё, что попало под руку. Взрослые были так заняты Совещанием, что ничего не заметили.

Сопляк слегка приободрился, потому что ему представился случай продемонстрировать свои выдающиеся способности в Воровстве. Ему удалось стащить мохнатые трусы прямо с Толстопуза, пока тот стоял в Старейшинской Стойке и обсуждал План Действий. Толстопуз ничего не заметил, даже когда опустил волосатую руку и рассеянно почесал необъятное брюхо — так увлечен он был разработкой Новых Усовершенствованных Методов Оранья.

Затем мальчишки завернули перья в тряпки так, чтобы они разлетелись во все стороны, когда

бомба будет сброшена.

Каждая группа из десяти мальчишек вооружилась примерно сотней таких перьевых бомб, упаковав их в старые паруса.

Иккинг повел Хулиганов к Длинному Пляжу, а Бандюг повел Остолопов к Неприступной Бухте.

По дороге к пляжу мальчишки весело болтали. Они выстроились в узкую колонну во главе с Иккингом; Кабанчик и Бестолков тащили парус с бомбами, над головами кружили и пикировали драконы. Викинги практически не знают страха, их с самого детства воспитывают воинами, поэтому даже Иккинг с Рыбьеногом при мысли о предстоящей битве испытали прилив радостного возбуждения.

Но, как только впереди показался Монстр, и ребята, и драконы тотчас же упали на животы и дальше поползли по-пластунски. Их сердца отчаянно колотились.

Неужели на свете БЫВАЮТ такие ГРОМАДНЫЕ существа?

Иккинг подвел их как можно ближе к краю обрыва, окружавшего Длинный Пляж.

Мальчишки осторожно выглянули. Прямо под ними храпело во сне страшное чудовище. Каждая его ноздря была величиной с шесть парадных дверей, и из них вырывалась такая гнусная вонь, что ребята начали задыхаться.

Кабанчика, который всегда был слаб животом, стошнило в вереск.

Иккинг, Рыбьенег и Бестолков распаковали перьевые бомбы и раздали их мальчишкам. Затем Хулиганы, стараясь не шуметь, тихонько подозвали своих драконов и вложили бомбы им в пасть.

Потом встали над обрывом, держа драконов на вытянутых руках.

Храбрости для этого требовалось не меньше, чем для прыжка с горы высотой в тысячу футов. Хоть Дракон и спал, всё же самой естественной реакцией любой нормального человека было бы спрятаться в вереске.

Иккинг затаил дыхание.

Поднял руку, чтобы дать сигнал к началу.

— Пошли, — шепнул Иккинг.

— ПОШЛИ! — заорали мальчишки.

Девять драконов взмыли в воздух и закружились над огромной спящей головой.

Как только Зеленый Смерч начал очередной вдох, Иккинг заорал: «ДАВАЙ!», и драконы дружно выпустили перьевые бомбы.

Зеленый Смерч вдохнул воздух пополам с перьями. Он оглушительно чихнул, проснулся, и, пока он содрогался в кашле, Огневица, кружившая возле его правого уха, выдала речь, которая означала примерно следующее, хотя звучала гораздо оскорбительнее:

—

Привет тебе о Моредраконус Крохотулус Минимус, от моего отца, Грозы Морей. Он намерен полакомиться здешними варварами, и, если ты встанешь у него на пути, он полакомится

тобой. Уплывай скорее, жалкий морской червяк, и тогда ты спасешься. Но если ты останешься на этом острове, не миновать тебе острых клыков моего отца и его жаркого пламени!

Задыхающийся Гигантский Монстр попытался ответить саркастическим хохотом, но нельзя смеяться и кашлять одновременно: перья попали не в то горло, и он закашлялся еще сильнее.

Тут Огневица укусила его за нос.

Для Чудовища это было не больнее укуса блохи, но Дракон всё равно пришел в ярость.

Протирая слезящиеся глаза, Зеленый Смерч замахнулся на настырного драконыша, но не попал. Вместо этого гигантский коготь выворотил изрядный кусок земли из обрыва.

Тем временем восемь других драконов слетали на обрыв за новыми бомбами и вернулись.

—

Давай! — завопил Иккинг, и драконы сбросили свои бомбы. Тучи перьев забились в ноздри к Зеленому Смерчу, и он снова зашелся в кашле.

—

Ни за что тебе не выиграть, жалкий червяк, — прокаркала Огневица. —

Ползи обратно в море, покуда цел. Там тебе место. А мой хозяин будет пировать.

Теперь Зеленый Смерч рассердился

не на шутку.

Он неуклюже погнался за Огневицей, пытаясь сбить когтем эту надоедливую козявку.

Но огромному Дракону было не легче схватить Огневицу, чем нам — голыми руками поймать муху. В таких упражнениях драконы более ловки, чем люди, однако Зеленый Смерч без конца промахивался, потому что из глаз его в три ручья лились слезы.

—

Косой, набит колбасой! — заверещала Огневица, страшно довольная собой, и выпорхнула прямо из-под гигантского когтя Зеленого Смерча. Исполин снова ринулся за ней, а Огневица ловко увернулась и скрылась за поворотом ущелья, уводя чудовище к Непрístupной Бухте.

Иккинг с мальчишками со всех ног помчались за ними, но угнаться, понятно, не смогли. Бежать сквозь вересковые заросли — это примерно то же самое, что бежать по колено в патоке, и мальчишки то и дело пропаливались по щиколотку в болото.

Огневица с Чудовищем уходили всё дальше и дальше по берегу, и Хулиганские драконы всё реже возвращались к мальчишкам за новыми порциями перьевых бомб.

Если среди вас есть военные командиры, они сразу же узнают извечную проблему, с которой приходится сталкиваться, когда линия фронта уходит слишком далеко от обозов с боеприпасами. В конце концов, перезарядка драконов стала занимать так много времени, что настал миг, когда перья, щекочущие ноздри Чудовища рассеялись, из его глаз перестали течь слезы, и Зеленый Смерч впервые отчетливо увидел свою надоедливую обидчицу...

Зеленый Смерч совершил молниеносный бросок и схватил Огневицу гигантскими когтями.

Но, к счастью для драконихи, именно в этот миг из-за поворота с громким топотом выскочил Пурпурный Смерч и со всего размаха пнул Зеленого Смерча в живот. От неожиданности Дракон выпустил Огневицу, и та проворно упорхнула.

Зеленый Смерч тяжело опустился в море и принялся переводить дыхание.

То же самое проделал и Пурпурный Смерч.

15. БИТВА У МЫСА МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Пока Иккинг и его команда выводили из себя Зеленого Смерча, Бандюг со своими Остолопами разъяряли Пурпурного.

Два чудовища столкнулись нос к носу на оконечности Мыса Мертвая Голова.

Левое крыло Огневицы было сломано в двух местах после знакомства с когтями Зеленого Смерча, но она храбро подлетела к чудищу и, пока Дракон на мелководье жадно хватал воздух широко разинутой пастью, произнесла свою заключительную речь.

—

Вот он, — прокричала Огневица, —

мой хозяин, Пурпурный Ужас, он разорвет тебя на куски и выплюнет твои когти!

И Огневица, вихляя и волоча крыло, поспешно полетела назад. ***

Зеленому Смерчу с самого утра не везло. Обычно Моредраконусы Гигантикусы Максимусы не нападают на себе подобных. Они избегают драться друг с другом, потому что знают: при таком тяжелом вооружении битва может закончиться весьма плачевно для обоих противников.

Однако Зеленого Смерча раздражила до бешенства наглая крохотная козявка. И когда он совсем потерял голову от ярости, какое-то Чудище, возомнившее себя круче самого Зеленого Смерча, пребольно толкнуло его в грудь.

Зеленый Смерч размышлял недолго.

Он прыгнул на Пурпурного Смерча, выставив когти и изрыгая громадные языки пламени, озарявшие окрестности, будто вспышки молнии.

Два гигантских монстра сцепились в жестокой схватке, осыпая друг друга самыми страшными ругательствами на драконьем языке. Суша и море заходили ходуном, как при землетрясении.

Одним ударом задней лапы Зеленый Смерч стер с лица земли Риф Утопленников.

Небрежным взмахом крыла Пурпурный Смерч обрушил в океан добрую половину склонов Мыса Мертвая Голова.

Осуществив Дьявольски Хитроумный План Иккинга, мальчишки-викинги с выпученными от ужаса глазами (как бы один из Драконов не остался в живых после схватки!) со всех ног помчались прочь.

Оглашая окрестности яростными воплями, Драконы хлестали друг друга хвостами, царапали

когтями, откусывали от противника громадные куски мяса.

Морские Драконы — самые бронированные существа из всех, кто когда-либо населял нашу планету. Их кожа местами достигает трех футов в толщину и покрыта таким толстым слоем раковин, что они защищают ее, как панцирь.

К тому же они самые вооруженные существа на свете. Их острые, как бритва, когти и клыки могут разорвать железную броню, как тонкую бумагу...

На боках обоих Драконов зияли глубокие раны; зеленая кровь потоками хлестала на прибрежный песок...

Зеленый Смерч стиснул шею Пурпурного Смерча в смертоносных Горлодавящих Тисках.

Пурпурный Смерч стиснул грудь Зеленого Смерча в смертоносном Ребромломном Объятии.

Ни один из них не ослаблял хватки — а хватка Драконов смертельна. Они напомнили Иккингу рисунок на одном из отцовских щитов: два дракона сплелись в правильный круг и пожирают друг друга, ухватив зубами за хвост.

Задыхаясь и выпучив глаза, Драконы кувыркались в прибое. От ударов их хвостов вздымались гигантские цунами. От брызг мальчишки промокли до костей, хотя и умчались от Мыса чуть ли не на вершину Самой Высокой Горы.

Наконец оба чудовища сотряслись в жестоких предсмертных конвульсиях, издали протяжное бульканье, рухнули в воду и затихли.

Наступила тишина.

Мальчишки остановились. Запыхавшись от бега, они хватали воздух ртами и в ужасе взирали на неподвижных чудовищ. Их драконы, летевшие впереди своих хозяев, тоже обернулись и зависли в воздухе.

Кошмарные Твари не шевелились.

Ребята выждали долгих две минуты, слушая, как волны тихо плещутся о громадные неподвижные тела.

— Вроде бы, сдохли, — сказал, наконец, Бандюг.

Ужас отступил, и мальчишки захохотали (правда, довольно истерически).

— Молодец, Иккинг! — Бандюг звонко хлопнул Иккинга по спине.

Но Иккингу почему-то было тревожно. Он скосил глаза и прислушался.

— Я ничего не слышу, — обеспокоенно заметил он.

— Ты и не можешь ничего слышать, они же ДОХЛЫЕ, — радостно воскликнул Бандюг. — Троекратное «УРА!» Иккингу!

Но не успели мальчишки докричать «Ура!», как Огневица испустила истошный вопль

—

Бежим! — завизжала она. —

Шухер, атас, бежи-и-и-им !

Голова мертвого Зеленого Смерча медленно приподнялась и повернулась в их сторону.

— Ой-ой-ой, — сказал Иккинг.

16. ДЬЯВОЛЬСКИ ХИТРОУМНЫЙ ПЛАН НЕ УДАЛСЯ

А волновался Иккинг потому, что рассчитывал услышать Предсмертную Песнь Зеленого Смерча, а тот не собирался ее петь.

Зеленый Смерч умирал, но всё еще не был мертв.

А был он очень, очень рассержен.

Из его окровавленной пасти вырвалось шипение:

—

Где он?

Потом он с трудом приподнялся на ноги и зашипел громче:

—

Где он? Где мой Маленький Обед? Я узнал его: он моя гибель, мое проклятие. Маленький обед сделал Обед из меня, Зеленого Смерча!

Шипя так, Дракон из последних сил, дюйм за дюймом подползал к берегу. Его глаза были устремлены на край обрыва, где он различал маленьких человечков, которые при виде внезапно ожившего Чудовища снова пустились бежать в глубь острова.

Тогда Дракон запрокинул голову и издал леденящий душу ВОПЛЬ, исполненный нечеловеческой ЖАЖДЫ МЕСТИ. В этом ВОПЛЕ слышалась СМЕРТЬ, черная и мучительная.

—

Перед смертью я всё-таки пообедаю им, этим маленьким паршивцем , — сказал Дракон и прыгнул.

— Б-Е-Е-Е-Ж-Ж-И-И-И-И-И-И-М! — завопил Иккинг, но мальчишки и без того удирали со всех ног.

Вдалеке Иккинг различил четыре сотни воинов — это Племена Лохматых Хулиганов и Безжалостных Остолопов спускались к ним с Самой Высокой Горы. Наверно, они заметили, что мальчишки куда-то запропастились, и пошли их искать.

«Они не успеют добраться сюда вовремя, — подумал Иккинг, — а если и успеют, какой от них прок!?»

В этот миг Дракон с грохотом приземлился на вершину обрыва, затмив собой солнце.

Два десятка мальчишек сломя голову мчались к папоротниковым зарослям.

Дракон подцепил когтем ближайшего мальчишку и повернул к себе.

Это оказался Песьедух. Когда Дракон, со словами «Не он!» отшвырнул его прочь, остальные мальчишки уже спрятались среди папоротниковых листьев.

Дракон был едва жив, но всё же слабо рассмеялся:

—

Не спрячешься, все равно я тебя убью. Хоть я тебя и не вижу, но у меня есть... Огонь!

От первого же драконьего выдоха папоротник вспыхнул, и мальчишки вновь пустились наутек.

Иккинг же замешкался, он знал: Дракон ищет именно его.

Наконец, когда жар пламени стал невыносимым, Иккинг набрал в грудь побольше воздуха и выскочил на открытое место.

Едва он пробежал сотню ярдов, как на его поясе сомкнулись два громадных когтя. Дракон поднял его над землей высоко-превысоко, так, что остальные мальчишки далеко внизу показались Иккингу крохотными букашками.

Дракон поднес Иккинга к глазам.

—

Вот мы оба и стали Обедом, мой Маленький Обед, — сказал он и подбросил Иккинга высоко-высоко в воздух.

Кувыркаясь на лету, Иккинг сказал себе: «Вот ТЕПЕРЬ уж точно настал САМЫЙ худший миг в моей жизни».

Потом он начал падать.

Иккинг посмотрел вниз. Прямо под ним зияла распахнутая драконья пасть, огромная и черная, как: бездонный туннель.

Он падал прямо в нее.

17. В ПАСТИ ДРАКОНА

Иккинг упал прямёхонько в драконью пасть, и челюсти Дракона захлопнулись, будто тюремные ворота.

Падал Иккинг в полной темноте, окруженный густым мерзопакостным запахом.

Вдруг он перестал падать, будто чья-то сильная рука резко дернула его за шиворот.

Иккинг висел в темноте, тихонько покачиваясь. Такая удача выпадает один раз из тысячи: воротник Иккинговой рубахи зацепился за копьё, застрявшее в горле Дракона после достопамятной древнеримского банкета. Иккинг вытянул правую ногу и достал до стены, которая, по его мнению, была драконьей глоткой. Пищеварительные соки Дракона оказались едкими, как кислота, и Иккинг поспешно отдернул ногу.

Где-то высоко над Иккинговой головой послышался громкий шорох и чавканье: это Дракон громадным языком облизывал все закоулки своей пасти, выискивая мальчишку, чтобы разжевать его насмерть. Дракон не намеревался глотать его целиком.

По пухлой красной внутренности драконьего горла стекала противная зеленая жижа. А еще Иккинг увидел, как из двух маленьких дырочек в стене глотки (прямо у него, у Иккинга, перед носом) сочится зеленовато-желтый дымок. То и дело из отверстий вырывались маленькие язычки пламени.

«Как интересно, — подумал Иккинг, на удивление спокойный, потому что до конца так и не поверил в происходящее. — Отсюда, наверное, и появляется огонь».

Викинговские биологи уже много лет задавались вопросом, где у драконов вырабатывается огонь. Одни говорили, что в легких, другие — что в желудке. Иккинг первым обнаружил, что огонь выделяется из огнедырок, таких маленьких, что у драконов нормального размера их нельзя различить невооруженным глазом.

Из глубин чудовищного желудка доносился мелодичный рокот — это распевал предыдущий ужин Дракона. «Видимо, Моредраконусы Гигантикусы перевариваются очень долго», — решил Иккинг.

Пение было довольно громким:

«Люди — пресная еда,

Но если есть у вас вода,

Соль, лучок, капуста —

Будет очень вкусно-о-о!»

Под тяжестью Иккинга копьё постепенно начало прогибаться. Рано или поздно оно сломается, и тогда он упадет вслед за лихим оптимистом в глубокую пропасть драконьего желудка...

Хуже того, жара, дым и вонь совершенно замутили Иккингу голову, так что теперь ему стало почти ВСЕ РАВНО, жив он или мертв. Жуткий ритм драконьего сердцебиения проник в его тело, и его собственное сердце начало биться в такт с драконьим.

«Дракон, в конце концов, тоже человек, — думал Иккинг. — Дракону тоже жить надо». А потом он вспомнил слова Дракона, услышанные на вершине обрыва: «Когда ты окажешься внутри меня, то поделишь

мою точку зрения...»

«Ну уж нет, дудки! — сказал себе Иккинг. — Это драконье пищеварение! Оно начало действовать!»

— Надо выжить, надо выжить, — твердил он себе снова и снова, изо всех сил стараясь вытеснить из головы драконьи мысли.

Но тут послышался отвратительный треск: крепкое римское копьё начало ломаться...

18. НЕОБЫЧАЙНАЯ ХРАБРОСТЬ БЕЗЗУБИКА

Тут бы и пришел Иккингу конец, если бы не удивительная храбрость Беззубого Дрёма.

Беззубик, если вы помните, наотрез отказался участвовать в битве у Мыса Мертвая Голова. Он намеревался улететь куда-нибудь подальше, спрятаться и переждать опасность, но вместо этого замешкался на Самой Высокой Горе, гоняя птиц и кроликов.

Наверно, за этим занятием он чудесно проводил время, потому что не услышал, как на поляне появился Стоик Обширный с целой толпой Хулиганов и Остолопов в придачу. Стоик схватил дракончика за шкуру.

— ГДЕ МОЙ СЫН? — поинтересовался Великий Вождь.

Беззубик непочтительно пожал плечами.

— ГДЕ МОЙ СЫН? — изрыгнул Стоик вопль столь громкий, что у Беззубика задрожали ушки.

Беззубик ткнул крылом в сторону Мыса Мертвая Голова.

— ПОКАЖИ, — мрачно велел Стоик.

Под суровым взглядом Вождя Беззубик неохотно полетел, оскорбленно хлопая крыльями, к Мысу Мертвая Голова, а за ним поспешили оба Племена.

Прибыли они как раз в тот момент, когда Дракон подкинул Иккинга высоко-превысоко в воздух и поймал его в пасть, будто смородиновую ягодку.

«Вот вам и Дьявольски Хитроумный План», — подумал Беззубик.

Он уже хотел воспользоваться тем, что Стоик отвлекся, и ускользнуть в укромное место, но что-то его остановило.

Никто не знает, чем было это «что-то».

Этот миг в корне изменил мировоззрение отважных воинов из Племена Лохматых Хулиганов. Много веков они считали (и, надо заметить, весьма справедливо!), что драконы не способны на заботу о ближнем и великодушные поступки. Но то, что совершил Беззубик, невозможно объяснить, исходя из его сиюминутных драконьих интересов.

Все его собратья, домашние драконы, в эту минуту летели где-то над Внутренним Океаном. Как только раздался крик Огневицы «

Бежим! Шухер! Атас! » все драконы, которые прятались в пещерах, или в расселинах между камней, или среди папоротников, гигантской стаей взмыли в воздух и, покинув бывших Хозяев, со всех крыльев бросились наутек.

Все дикие драконы с Обрыва Дикого Дракона улетели еще несколько часов назад.

Но Беззубик не последовал за ними. Что-то удержало его — быть может, душераздирающий беспомощный крик Стоика «НЕ-Е-Е-Е-Т!!!!!!». А может быть, в глубине своего эгоистичного драконьего сердца он всё-таки привязался к Иккингу и был благодарен ему за те часы, которые тот ухаживал за ним, не кричал, рассказывал анекдоты и угощал самыми вкусными и сочными омарами.

—

Все д'дра-раконы — эгоисты, — убеждал сам себя Беззубик. —

Д'дра-раконы б'бе-бессердечны и не в'ве-ведают жалости. В'во-вот почему мы и в'вы-выживаем в самых суровых обстоятельствах.

Но всё-таки ЧТО-ТО заставило его повернуть обратно, ЧТО-ТО заставило его сложить крылья за спиной и ринуться на Громадного Монстра, как маленькая коричневатая молния. Что, как я уже говорил, было

далеко не в интересах Беззубика.

Беззубик влетел прямо в левую ноздрю Чудовища и принялся порхать там вверх-вниз, щекоча стенки крыльями.

Моредраконус отчаянно мотал головой, морщил нос и громко ревел:

— А-А-А-А-АААААААА...

Исполин сунул в нос свой исполинский коготь и, будто невоспитанный мальчишка, принялся ковыряться, пытаясь извлечь надоедливую козявку.

Один раз Беззубику не удалось увернуться от грозного когтя, и тот царапнул его по груди. Но маленький дракончик был так возбужден, что даже не почувствовал удара и продолжал порхать и щекотать дальше.

— А-А-А-А-ААААААААААААП... — ревел Морской Дракон.

Иккинга, висевшего на копье, трясло и швыряло из стороны в сторону. Драконья глотка ходила ходуном. Он изо всех сил старался удержаться на копье, которое грозило вот-вот обломиться.

— ...ПЧХИИИИИИИИ-И-И-И-И-И!!!!!!

Дракон чихнул. Иккинг, копье, Беззубик и целые тучи отвратительных соплей вылетели из драконьей пасти и рассеялись по окрестностям.

Очутившись в воздухе, Беззубик вспомнил, что мальчики не умеют летать.

Он сложил крылья и спикировал вслед за Иккингом, который стремительно приближался к земле.

Беззубик схватил Иккинга за локоть. Когти у драконов необычайно сильные, и дракончик сумел замедлить Иккингово падение — хоть и не остановить его совсем, но всё же смягчить приземление в кусты вереска.

Через заросли папоротника к ним поспешно продирался Стоик Обширный.

Он подхватил сына, прикрыл его неподвижное тело щитом и повернулся к Чудовищу.

Беззубик спрятался за спину Стоика. Зеленый Смерч оправился от приступа чихания. Он из

последних сил полз вперед, истекая кровью из смертельных ран на груди и шее. Дракон медленно опустил грозную голову, пока она не сровнялась с верхним краем обрыва, и устремил на Стоика свои злобные желтые глаза.

—

Пришло время всем нам умереть, — прорычал Зеленый Смерч. —

Тебе его не спасти. Ты ничего не сможешь сделать! Мое пламя расплавит этот щит, как масло...

Зеленый Смерч разинул пасть.

Медленно втянул в себя побольше воздуха.

Стоик попытался удержаться за вересковый куст, но его, Иккинга и Беззубика неумолимо втягивало в громадный черный тоннель между разверстыми челюстями Монстра.

Зеленый Смерч выждал мгновение, потом снова выдохнул, наслаждаясь ужасом своих жертв.

—

В'во-вот что б'бы-бывает, когда нарушаешь Драконий Закон... — в ужасе пискнул Беззубик, выглядывая из-за края Стоикова плаща.

Чудовище раздуло щеки, и Стоик с Беззубиком приготовились, что вот-вот их пожрет пламя.

Но пламени не было.

Зеленый Смерч удивленно заморгал.

Он снова надул щеки и пыхнул сильнее.

Опять никакого огня.

Дракон попытался еще раз, и от усилий его голова окрасилась странным лиловатым оттенком...

Окрасилась и стала раздуваться, будто ее накачивали воздухом изнутри.

Монстр понятия не имел, что происходит. Он испуганно заметался, его глаза всё сильнее и сильнее вылезали из орбит, и, наконец, с грохотом, который разнесся на сотни миль по окрестным морям...

...Зеленый Смерч лопнул у всех на глазах!

Это казалось чудом или, может быть, вмешательством богов, но на самом деле взрыв имел вполне логическое объяснение. Ибо когда Иккинг висел в драконовой глотке, из последних сил повторяя «Надо выжить, надо выжить!», он снял с себя шлем и как можно глубже засунул его рога в драконьи огнедырки.

Получилась идеальная затычка.

Поэтому, когда Дракон захотел изрыгнуть огонь, давление у него в голове начало нарастать и в конце концов повысилось так сильно, что Зеленый Смерч взорвался.

Остатки огромного Дракона рассыпались по всей округе. Стоику и Беззубику еще повезло, что

ни один кусок не попал в них, хоть они и стояли очень близко к месту катаклизма.

Но один горящий драконий Зуб длиной футов восемь (самый маленький из тех, что были у Чудовища) летел прямо на Иккинга. Могучий Монстр вдох вытащил мальчика из-за укрытия под Стоиковым щитом, и теперь он лежал на земле в паре футов от Стоика и Беззубика, абсолютно беззащитный.

Уголкем глаза Стоик заметил летящий Зуб и, подхватив щит, метнулся вперед. Только викинг успел бы добраться туда вовремя. Когда с детства охотишься на вальдшнепов с луком и стрелами, это отлично развивает быстроту реакции.

Поэтому щит Стоика

всё-таки спас Иккингу жизнь. Если бы не он, громадный Зуб пригвоздил бы Иккинга к земле, как булавка — бабочку. Летящий Зуб воткнулся глубоко-преглубоко в самую середину толстого бронзового щита и остался торчать, покачиваясь, среди языков зеленого драконьего пламени.

Стоик в ужасе поднял щит, чтобы посмотреть, не прошел ли Зуб насквозь и не задел ли он его сына. Но Иккинг был цел и невредим. Он лежал с открытыми глазами и к чему-то прислушивался. Откуда-то — казалось, прямо из торящего Зуба — доносился странный звук. Это было пение, хриплое, раскатистое, как гул ветра в коралловых пещерах. Слова у песни были такие:

«Я могу сожрать большого

Синего кита,

Погасить Луну и Солнце

Кончиком хвоста.

Трепещите, ветры в море,

Я иду на бой.

Разве есть еще на свете

Зверь такой большой?»

— Слышите? — радостно воскликнул Иккинг перед тем, как потерять сознание. — Обед поет.

19. ИККИНГ НЕЗАМЕНИМЫЙ

Четыре сотни викингов, собравшихся на краю обрыва, встретили Иккинга и Беззубика бурными аплодисментами.

Странное это было зрелище, дикое и варварское — мальчик и дракон возвращаются, с ног до головы покрытые гадкой зеленой Драконьей Слизью и Соплями, но сияющие от неземного восторга. Еще бы — ведь они только что спаслись от Неминуемой Смерти.

Ужасная битва опустошила все окрестности. Удушающий зеленовато-серый дым застилал глаза, мешая видеть, но было и так ясно: от Мыса Мертвая Голова противники в пылу боя отхватили изрядные куски земли. Пляж был усыпан грудями камней, обрыв изъеден камнепадами. В глубокой воде громоздилась огромная туша Пурпурного Смерча, а куски Зеленого Смерча были раскиданы по всему берегу и половине острова. Большие участки вереска и папоротников всё еще пылали.

Однако, каким-то чудом, почти все викинги и их драконы остались живы после страшной битвы.

Я говорю «почти все», и вот почему. Когда Беззубик подполз к хозяину, чтобы лизнуть его трепетным раздвоенным язычком, Стоик заметил у него на груди глубокую рану, из которой текла ярко-зеленая кровь. Коготь Зеленого Смерча пронзил самое сердце маленького дракончика, которого все считали бессердечным.

Беззубик проследил взгляд Стоика и опустил глаза. Увидев рану, он взвизгнул от ужаса и упал замертво. ***

Проснулся Иккинг только через два дня, страшно голодный. Всё тело болело. Был поздний вечер. Он лежал на огромной кровати Стоика. В комнату набилась целая толпа народу. Здесь были и Стоик, и Валгалларама, и Старый Смorchок, и Рыбьенoг, и почти все Старейшины Племена.

Были тут и драконы: у ног Стоика переругивались Головотяп и Крючкозуб, на спинку Иккинговой кровати взгромоздилась Страхорова. (Драконы вернулись, как только услышали взрыв и поняли, что Прежние Хозяева Олуха снова стали Хозяевами. Будучи драконами, они никак не объяснили свое исчезновение, однако из вежливости всё же напустили на себя чуть-чуть виноватый вид.)

— Он жив! — восторженно закричал Стоик Обширный, и все радостно загалдели. А Валгалларама увесистым кулаком ткнула Иккинга в плечо, что у викингов равносильно крепкому объятию.

— Мы тут все собрались, — сказала Валгалларама. — Ждали, когда ты проснешься.

Иккинг сел на постели. Сон как рукой сняло.

— Не

все, — возразил он. — А где Беззубик?

Все смущенно замялись, никто не отваживался посмотреть Иккингу в глаза. Стоик неловко

покашлял.

— Прости, сынок, — сказал он. — Но его с нами нет. Он умер всего несколько часов назад. В эту самую минуту всё Племя устраивает ему Героические Похороны. Это великая честь, — тороплива продолжил Стоик. — Он будет первым драконом, похороненным по Викинговскому Обряду...

— Откуда ты знаешь, что он умер? — раздраженно спросил Иккинг.

Стоик удивленно заморгал.

— Ну, как откуда: все признаки налицо — сердце не бьется, дыхания нет, тело холодное как камень. Совершенно ясно: он мертв.

— Нет, ПРАВО, папа, — воскликнул Иккинг, едва сдерживая злость. — Ну неужели ты НИЧЕГО не знаешь о драконах? Он, наверное, впал в СОННУЮ КОМУ! А это ХОРОШИЙ ПРИЗНАК: значит, он выздоравливает.

— Ох, клянусь усами Тора! — засуетился Стоик. — Похороны начались полчаса назад...

— Надо их немедленно остановить! — завопил Иккинг. — Драконы слабо огнеупорны. Они сожгут его заживо!

С удивительной энергией (если учитывать обстоятельства) Иккинг вскочил с постели, выбежал из комнаты, а потом и из дома. За ним по пятам мчался Рыбьепог со Стражковой.

На берегу Хулиганской Гавани торжественная церемония Викинговских Военных Похорон подходила к концу.

Зрелище было удивительное, но у Иккинга не было настроения на него любоваться.

Небо было усеяно звездами. Безмятежное море блестело, как стекло. На скалах в полном молчании выстроились Племена Лохматых Хулиганов и Безжалостных Остолопов, и каждый держал в руке горящий факел.

Пришел даже Сопляк. Он старался напустить на себя торжественный вид; в знак уважения снял с головы шлем и то и дело приглаживал гладко причесанные волосы.

— Туда ему и дорога, головастику с крылышками, — тихо шепнул он Песьедуху Тугодуму, и тот угодливо хихикнул.

—

Так ему и надо за то, что нарушил Закон, — фыркнула Огневица, взглянув на Слизняка, который ковырял в носу, сидя на плече у Песьедуха.

На воду была спущена точная копия викинговской ладьи. Ветерок тихо погнал ее прочь от острова Олух, по лунной дорожке, мимо голых остовов сгоревших флотов Стоика Обширного и Пирамидона Остолопа. На палубе ладьи Иккинг с трудом различил маленькое тельце Беззубика. Возле него стоял Стоиков щит, пронзенный длинным Драконовым Зубом, точно гигантским вражеским мечом.

Брехун Крикливый протрубил в рог траурный сигнал. Он уже полностью оправился после недавнего неожиданного полета.

— Т-Р-Р-У-У-У-У-У-М-М-М!

Двадцать шесть отборных лучников Стоика, стоявших в почетном карауле вдоль правого берега гавани, медленно подняли луки. Каждый из них вложил в лук зажженную стрелу.

— Н-Н-Е-Е-Е-Е-Е-Т! — во всё горло завопил Иккинг самым громким криком, на какой был способен.

Но было уже поздно.

Пылающие стрелы изящно взмыли в воздух, опустились на кораблик и подожгли его.

Кое-кто в толпе поднял глаза, чтобы посмотреть, кто это осмелился нарушить ход церемонии.

— ИККИНГ! — радостно закричал Бандюг Остолоп, первым узнавший фигурку на горизонте. По толпе прокатился удивленный ропот: все шептали друг другу «Иккинг?», повторяли его имя всё громче и громче, приветствовали радостными криками.

У Сопляка отвисла челюсть. Он был совсем не рад видеть Иккинга живым и здоровым. Сопляк еще мог примириться с Иккингом как с мертвым Героем, но появление живого Героя Иккинга его сильно разочаровало.

А Иккинг смотрел на горящий кораблик, и по его лицу катились слезы.

Ладья накренилась, и Стоиков щит с драконьим Зубом упал в воду. И когда последний обломок кораблика был готов исчезнуть под волнами, погибнуть под натиском огня и воды, пламя взметнулось в воздух футов на двадцать. И из этого пламени, расправив крылья, как птица Феникс, волоча за собой огненный хвост, как комета, выпорхнул... как бы вы думали, кто?

Беззубик!

Он воспарил высоко-высоко, к самым звездам, оставляя за собой яркий огненный след. А потом стал пикировать всё ниже, ниже, ниже, к морю, и в последний миг снова взметнулся вверх, под восторженные крики зрителей. Иккинг всё тревожился, не больно ли ему, но тут, наконец, дракончик пролетел прямо над его головой. И мальчик услышал победоносный клич Беззубика.

Пусть у Беззубика и были свои недостатки, нельзя было не восхититься его артистическим дарованием. Обычно Простые Садовые драконы не славятся своими летными качествами, но даже самый простой Простой Садовый дракон, объятый пламенем, являет собой потрясающее зрелище.

Беззубик пылающей звездой носился по черному небу, как живой фейерверк, выполняя головокружительные сальто, вычерчивая мертвые петли. Толпа, мгновение назад готовая оплакивать гибель и Беззубика, и, возможно, Иккинга, восторженно бесновалась и аплодировала дракончику, а тот порхал над головами, осыпая зрителей дождем искр.

Наконец пламя стало слишком жарким, и Беззубик нырнул в море, чтобы погаснуть, но тотчас же выпорхнул обратно и взлетел на плечо Иккингу. Оттуда он торжественно раскланялся в ответ на бурные аплодисменты, слегка испортив впечатление самодовольным «Ку-ка-ре-ку!».

Стоик Обширный призвал толпу к молчанию и в полный голос, пророкотал Праздничную Речь:

— Хулиганы и Остолопы! Грозы Морей, Сыновья Тора и самые суровые Хозяева Драконов!

Имею честь представить вам нового воина Племена Лохматых Хулиганов. Мой сын — ИККИНГ НЕЗАМЕНИМЫЙ!

Слова его эхом раскатились по окрестным холмам и были много раз повторены ликующей толпой. Ночной ветерок подхватил их и разнес по островам, и вскоре, казалось, весь мир повторяет, каким Незаменимым оказался в конце концов Иккинг.

Таков, друзья мои,

таков Самый Трудный Путь в Герои.

ЭПИЛОГ АВТОРА, ИККИНГА КРОВОЖАДНОГО КАРАСИКА III, ПОСЛЕДНЕГО ИЗ ВЕЛИКИХ ГЕРОЕВ-ВИКИНГОВ

История на этом, само собой, не заканчивается.

Все девятнадцать мальчишек, много лет назад вместе со мной проходивших Посвящение, были приняты в Племена Лохматых Хулиганов и Безжалостных Остолопов за их Героические Деяния по истреблению сразу двух Моредраконусов Гигантикусов Максимусов в один день. Битва у Мыса Мертвая Голова вошла в викинговские легенды и будет передаваться бардами из уст в уста, покуда на земле существуют барды, способные петь.

Но в наши дни бардов осталось совсем мало. Более того, никто с тех пор не видел Моредраконуса Гигантикуса Максимуса, и люди потихоньку перестают верить в то, что подобные великаны существовали на свете. Ученые написали много статей, утверждая, что существо такой величины не способно поддержать свой собственный вес. А все драконы, которые могли бы подтвердить мои слова, уползли обратно в море, туда, где человек их не достанет, и, поскольку Героизм нынче не в моде, никто не верит Герою вроде меня на слово.

Но с драконами нужно держать ухо востро — уж я-то их знаю. Может быть, они просто затаились и спят в черных океанских глубинах. Бесчисленные сонмища драконов оцепенели в Сонной Коме, и неведомые рыбы плавают среди их хвостов, прячутся за когтями и мечут икру в драконьих ушах.

Но однажды может настать время, когда Герои снова понадобятся.

Однажды может настать время, когда Драконы вернуться.

И когда это время придет, людям будут нужны знания о том, как дрессировать драконов и как воевать с ними. Надеюсь, эта книга поможет славным Героям Будущего больше, чем когда-то мне помогла некая книжечка с таким же названием.

Легко забыть, что на свете существуют такие Чудовища.

Я и сам иногда про них забываю, но тогда я поднимаю глаза — а сейчас я как раз их поднял — и представляю себе большой щит, покрытый толстой коркой ярких, как самоцветы, раковин и кораллов, и восьмифутовый Зуб, торчащий посередине этого щита. Я протягиваю руку и трогаю край этого Зуба. Он до сих пор, по прошествии многих лет, остр как бритва, и при неосторожном касании пальцами страницы этой книги могут окраситься кровью. Я склоняю голову (не слишком близко к Зубу) и отчетливо слышу далекое, едва различимое пение:

«Раньше я своим дыханьем

Море поджигал...

Все сильнее и храбрее

Я себя считал...

Пойте чаще, пойте громче —

Но спасенья нет:

Самый страшный из драконов

Съест вас на обед...»

Обед до сих пор поет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВИКИНГОВСКИЕ ДРАКОНЫ И ИХ ЯЙЦА

ПРОСТОЙ САДОВЫЙ И ОБЫКНОВЕННЫЙ КОРИЧНЫЙ

Простые Садовые и Обыкновенные Коричные драконы так похожи, что их можно описывать вместе. Эти породы хорошо знакомы нам — именно их мы представляем себе, когда говорим «дракон». Охотники они неважные, однако легко поддаются дрессировке. Из этих драконов выходят прекрасные домашние животные, хотя, подобно львам и тиграм, их нельзя оставлять без присмотра рядом с маленькими детьми.

СТАТИСТИКА

ЦВЕТ: зеленый, желтый, все оттенки коричневого.

ООРУЖЕНИЕ: основной комплект зубов и когтей — 3

ЗАЩИТА: шипы на спине — 2

РАДАР: Нет — 0

ЯД: Нет. — 0

СПОСОБНОСТЬ К ОХОТЕ: спят на ходу — 3

СКОРОСТЬ: проворны в отступлении — 3

ФАКТОРЫ БОЯ И УСТРАШЕНИЯ: неплохи, когда рассердятся — 4 ГРОММЕЛЬ

ГРОММЕЛИ — самые страшные страшилища драконьего мира. Но недостатки внешности они с лихвой компенсируют на поле брани. Они медлительны и, я бы сказал, туповаты, а иногда толстеют так, что не могут взлететь. Нередко страдают драконьей сыпью.

СТАТИСТИКА

ОКРАСКА: тошнотворно-зеленая, болотно-бежевая, дерьмово-коричневая.

ВООРУЖЕНИЕ: Все лучшее, что есть у драконов. Клыки как кинжалы, острые зубцы на шее, шипастая булава на хвосте — 8

ЗАЩИТА: Сверхтолстая, огнеупорная, непроцарапываемая шкура — 9

РАДАР: Нет — 0

ЯД: Нет — 0

ОХОТНИЧЬИ СПОСОБНОСТИ: Медленно маневрируют в воздухе — 0

СКОРОСТЬ: см. выше — 5

ФАКТОРЫ БОЯ И УСТРАШЕНИЯ: в бою ужасны — 9 УЖАСНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Ужасные чудовища — самые крупные и грозные из домашних драконов. Прекрасные летуны, однако дики и трудны в приручении. По неофициальным Викинговским Законам, владеть такими драконами могут только Вожди и их сыновья.

СТАТИСТИКА

ЦВЕТ: изумрудно-зеленый, ослепительно-алый, темно-пурпурный.

ВООРУЖЕНИЕ: страшные клыки, выдвижные когти — 9

ЗАЩИТА: в защите не нуждаются — 2

РАДАР: нет — 0

ЯД: укус немного ядовит — 3

СПОСОБНОСТЬ К ОХОТЕ: потрясающее зрелище — 10

СКОРОСТЬ: проворны — 7

ФАКТОРЫ БОЯ И УСТРАШЕНИЯ: очень, очень страшные — 10

Примечание

1

Разумеется, на самом деле это звучало как

«Н'ш-ш-е-е-е ва-а-мм с-с-с к'ст-т-тч'кой, Беззубик» , но я перевела это на наш язык для читателей, которые испытывают трудности с драконьим языком. Краткий курс этого замечательного наречия вы сможете найти в книге Иккинга Кровожадного Карасика III «

Учебник драконьего языка ».